

Журнал «Российский колокол» 2016

. Коллектив авторов

Российский колокол №1-2 2016

«ПЦ Александра Гриценко»

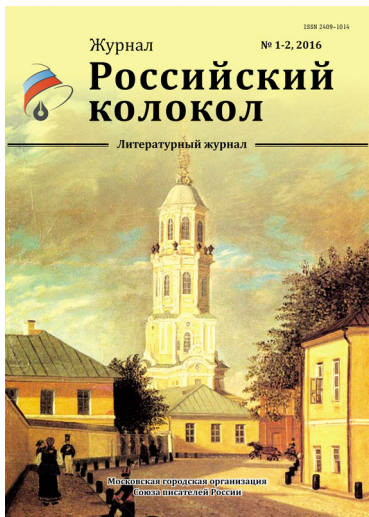
2016

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Журнал «Российский колокол» 2016 / Коллектив
авторов — «ПЦ Александра Гриценко», 2016 — (Журнал
«Российский колокол» 2016)

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов
Российский колокол №1-2 2016
Серия «Журнал «Российский колокол» 2016»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18406166

*Журнал Российский колокол №1-2 2016: Московская городская организация Союза писателей
России; Москва; 2016*

Аннотация

Вот и пройден 10-летний рубеж существования журнала «Российский колокол». Каким мы видели все эти годы журнал: разнообразным, интересным, увлекательным, творческим, образовательным... И в этом огромная заслуга его авторов, ради которых и благодаря которым «Российский колокол» продолжает существовать!

Из года в год мы совершенствовались, появлялись новые рубрики, которые сразу находили своих постоянных авторов. Журнал объединил под одной обложкой стихи, художественную прозу, публицистику, рецензируются книжные новинки, как выходящие в России, так и за рубежом.

На просторах сегодняшнего выпуска журнала «Российский колокол» можно найти произведения, в которых выражаются мысли авторов, фантазийные и житейские рассказы, регулярные рубрики, интервью с интересными и творческими людьми, которые добились успеха в своём любимом деле. Также мы продолжаем знакомство с авторами – членами региональных представительств Союза писателей России в рубрике «Голоса провинции».

Одним словом, наслаждайтесь чтением!

Содержание

Слово редактора	7
Современная поэзия	8
Николай Калининченко	8
Московский пират	9
Точка зрения	10
Кашалот	11
«Пятнашка»	12
Оттепель	13
Серебро	13
«Валгалла слов! Опора и отрада...»	14
«Катился поезд в сторону Вяземы...»	15
Хурма	16
Ничего святого	16
Когда он шагнёт...	17
«Скажи мне, что творится, Азазель?..»	18
РавноДетствие[1]	18
Бульвар	18
Круговороты	19
Тюремщик	20
Белый стих	21
Чатланский гудбай	21
Я расту	22
Пятый маршрут	23
Полёт в метро	24
Ракета	24
Пицца-поэзия	25
Скрипач	26
Григорий Шувалов	28
«В этот год обмелела река...»	28
«Классно тем, молодым и влюблённым...»	29
«Мне повезло, дела мои неплохи...»	30
«Солнечный день – и Москва ожила...»	31
«Дождя глухие переливы...»	32
«Я тебе, подруга, растолкую...»	32
«С утра проснёшься на работу...»	33
Фантом	34
«Забудь про былое, нажми тормоза...»	35
«Как слюбится, так и разлюбится...»	35
«Этот город похож на наркотик...»	36
Ладва	36
Для тех, кому за 30	37
«Я знаю, ты ни в чем не виновата...»	38
«Я так хотел открыть с тобою мир...»	38
«Войду в автобус чуть сутулясь...»	38
Весточка	39
Культурология	41

Александр Гриценко	41
Молчаливый подвиг	42
Где легче управлять культурой?	42
О театре	42
О театральной премии	43
А как это все начиналось?	44
Проблемы театра	45
А теперь о премьере	45
Рецензии	47
Виктория Балашова	48
Анатолий Ливри	50
О стихах Анатолия Ливри	51
Вогезы	51
Вячеслав Лютый	53
Терпение земли и воды	53
Современная проза	72
Юрий Бурносков	73
Все золотистое	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Журнал Российский колокол № 1–2 2016

Слово редактора

Анастасия Лямина

Шеф-редактор журнала «Российский колокол»

Публицист, журналист.

Вот и пройден 10-летний рубеж существования журнала «Российский колокол». Каким мы видели все эти годы журнал: разнообразным, интересным, увлекательным, творческим, образовательным... И в этом огромная заслуга его авторов, ради которых и благодаря которым «Российский колокол» продолжает существовать!

Из года в год мы совершенствовались, появлялись новые рубрики, которые сразу находили своих постоянных авторов. Журнал объединил под одной обложкой стихи, художественную прозу, публицистику, рецензируются книжные новинки, как выходящие в России, так и за рубежом.

На просторах сегодняшнего выпуска журнала «Российский колокол» можно найти произведения, в которых выражаются мысли авторов, фантазийные и житейские рассказы, регулярные рубрики, интервью с интересными и творческими людьми, которые добились успеха в своём любимом деле. Также мы продолжаем знакомство с авторами – членами региональных представительств Союза писателей России в рубрике «Голоса провинции».

Одним словом, наслаждайтесь чтением!

Современная поэзия

Николай Калиниченко

Поэт, прозаик, литературный критик.

Лауреат литературных премий.

В разные годы являлся постоянным автором в ряде отечественных журналов и газет. В том числе: «Если», «Exlibris» к «Независимой газете», «Мир фантастики», «Лампа и дымход». Вёл колонку «Сетература» в «Литературной газете». Несколько лет являлся ведущим рубрики «Аниме» в журнале «Фантастика». Имеет более пятисот публикаций в разных жанрах.

С 2007 года – участник творческого объединения «поэтов-информантиков». Первая подборка стихотворений была напечатана в альманахе «Литературный Башкортостан» в 2003 году. Изданы два сборника стихов: «Точка зрения» (2012 г.), «Кашалот» (2013 г.).

Организатор и ведущий проекта «Литературные четверги в Добролюбровке».

В 2010 году Николай Валерьевич получил медаль правительства Москвы с формулировкой «За доблестный труд» в области литературы.

Родился 5 февраля 1980 года в городе Москва. Окончил школу № 59 им. Николая Васильевича Гоголя и Московский автомобильно-дорожный институт по специальности «Мосты и транспортные тоннели». Строил дома, проектировал мосты, работал продюсером, художником, экологом, участвовал в археологических раскопках. С 1998 года регулярно посещает конвенты любителей фантастики в России и ближнем зарубежье.

Повести, рассказы и сказки автора издавались в составе сборников фантастики, а также в центральной периодике. В том числе в серии «Лучшее за год» издательства «Азбука» и «Русская фантастика» издательства «Эксмо».

Московский пират

Время фасады штурмует накатами,
На маскаронах ощерились львы.
Старые здания, словно фрегаты

В суетном море бурлящей Москвы.

Гордо высоток возносятся ярусы,
Но несравненно прекраснее их
Облако белое ветреным парусом
Реет над палубой крыш городских.

Улочка узкая, девочка дерзкая.
Хочешь пиастров? Так жарь до конца!
Здравствуй, Смоленка, земля флибустьерская!
Спой мне еще про сундук мертвеца!

Галсами меряю гавань Арбатскую,
К свету таверны лечу мотыльком.
Лью в ненасытную глотку пиратскую
Черный и злой неразбавленный ром.

Где ваши души? Куда вы их прячете?
Пусть бесконтрольно плывут за буи!
В самое сердце стальные, горячие,
Быют абордажные рифмы мои!

Пусть далеко океаны гремящие,
И никогда нам до них не доплыть.
Самое главное – быть настоящим,
Пусть ненадолго, но все-таки быть,

Словно цунами, прекрасным и яростным,
И не жалеть никогда, ничего!
В сердце поэта швартуется парусник.
Не опоздай на него!

Точка зрения

Проснулся утром неожиданно трезвый.
На улице солнечно и, наверное, жарко.
Поджарил хлеб и сквозь дырку в ломте отрезанном
Уставился на включенную кофеварку.

И тут в голове словно вспыхнула лампочка,
Застучали индейские барабаны.
Где-то там снаружи влюбляются ласточки,
Встречаются великие океаны.

Там трубят в саванне слоны могучие.
Ветер пахнет миррой и дышит ласково.
Там вонзает черный кавалер-туша

Бутоньерки молний в лиловый лацкан.

И в окружении этого удивительного где-то,
Городов под водой и знамений в небе,
Тихо и безмятежно на станции «Сетунь»
Дремлет ребенок в материнском чреве.

Вот такое пришло ко мне озарение,
Утреннее, солнечное и неожиданно трезвое:
Самое важное – это точка зрения
Или просто дырка в ломте отрезанном.

Кашалот

В глазах кашалота протяжная гаснет мысль,
Пока он недвижимый лежит в полосе прибоя.
Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
И небо над пляжем пронзительно-голубое.

На шкуре гиганта отметки былых побед,
С тех пор, как спускался, подобьем Господней кары,
В крошечную бездну, куда не доходит свет,
И рвал поглощая бесцветную плоть кальмаров.

Вот снасть гарпунера, что так и не взял кита.
Вот ярость касаток, кривые акулы зубы,
И старый укус, что оставила самка та,
Которую взял подростком в районе Кубы.

Он видел вулканы и синий полярный лёд,
И танец созвездий над морем в ночи безлунной,
Беспечный бродяга холодных и теплых вод,
Как знамя над хлябью свои возносил буруны.

Но странная доля, проклятье больших китов,
И в этом похожи с людскими китовьи души:
Владыкам пучины, как нам, до конца веков
Из вод материнских идти умирать на сушу.

Взлетают гагары, и волны целуют мыс,
Заря безмятежна, а даль, как слеза, чиста.
В небе над пляжем упрямо штурмует высь
Белое облако, похожее на кита.

«Пятнашка» (из цикла «Московский троллейбус»)

Я раньше ездил на «пятнашке»
До стадиона «Лужники».
Смешная синяя букашка
Скребла рогами проводки,

И вдоль пречистенских ампиров
Неторопливо, но легко,
Она влекла меня по миру.
В салоне пахло коньяком,

А может, пивом... даже водкой,
Не так уж важно, чем спастись,
Когда над МИДовской высоткой
Такая солнечная высь,

Что хочется небесной рыбой
Доплыть до звездной глубины.
Лишь граф Толстой гранитноглыбый
Не внял влиянию весны.

Завидев хлеб, взлетают птицы
С его изваянной скалы.
Над пробужденною столицей
Летит победное «Курлы!»

Ах, этот хор многоголосый!
И по сей день звенит в ушах,
Когда забвенья пар белесый
Равняет всё на пыль и прах.

Забыта прежняя степенность,
И, словно грёза наяву,
В зенит стремится современность,
Оставив старую Москву,

Как люди оставляют детство,
А мы не в силах повзрослеть
И делим ветхое наследство
За домом дом, за клетью клеть.

Устало меряем шагами,
А если нужно – и ползком.
В салоне пахнет стариками
И лишь немного коньяком.

Оттепель

Фонарные ночи и ангелы на игле
Светлы и беспечны, хоть бесам не счесть числа.
Я – черная точка, я – оттепель в феврале,
Еще не тепло и даже не тень тепла.

До труб Иерихона парсеки полярных вьюг,
До скрипок Вивальди один оборот Земли.
Железные птицы гнездиться летят на юг,
Попутчик в маршрутке сказал мне, что он – Шарли...

А я – передышка, возможность ослабить шарф
И, в пьяном веселье сугроб разметаю кругом,
Увидеть под снегом все тот же холодный шар,
Такой же, как прежде, и все же чуть-чуть другой.

И все же, и все же в февральской судьбе моей
Порою бывает недолгий павлиний миг,
И теплые руки, и лица родных людей,
И темное пиво, и строки любимых книг.

Такая безделица, малость, что просто смех!
Но этого хватит, чтоб снег отряхнуть с ключиц
И, крылья расправив, подняться свечою вверх,
Проспектами ветра, дорогами хищных птиц!

Все выше и выше пространство собой пронзив,
Как звезды порою пронзают небес покров,
И, взгляд преклоняя к земле, что лежит в грязи,
В болоте столетий увидеть ростки цветов,

Как зернышки рая в кромешном и злом аду,
Как проседи света в одной бесконечной мгле,
И я умолкаю, парю и спокойно жду.
Мы – черные точки, мы – оттепель в феврале!

Серебро

Все большее дышать, все труднее подняться с утра,
Посмотрите в глаза, а иначе я вас не узнаю.
Нет ни чести, ни мудрости в тех, что танцуют по краю.
Только смелость безумцев, не знающих зла и добра.

Только жажда агоры в расширенных черных зрачках,
Чтоб любили до гроба, и ждали, и кланялись в пояс.
По-гусарски рисуясь вскочить в ускользящий поезд,
Чтоб с последним аккордом сорвать восхищенное «Ах!»

И писать как-то так, чтобы каждый услышал: «Внемли!»
Чтоб хотя бы на время оставил коктейли и суши,
И собой увлажнять омертвелые, черствые души,
Словно дождь увлажняет иссохшее лоно земли.

Но стихи не даются, и не на что вдруг опереться,
Там, где слово горело, теперь не осталось огня.
Вы хотели сердечности? Слушайте, вот оно, сердце!
Так держите, владейте, и пейте, и ешьте меня!

А когда изгладится багряное, сладкое, свежее,
Вы отправитесь спать, совершив повседневный стриптиз,
И не зная еще, что уже не останетесь прежними,
Как не знает безумец, когда завершится карниз.

«Валгалла слов! Опора и отрада...»

Валгалла слов! Опора и отрада,
Но как писать, когда земля дрожит,
И правда расшибается о правду...
Под страшный скрежет литосферных плит.

Когда страна, выламывая плечи,
Как эпилептик бьётся о порог,
И всех превыше таинство картечи,
И пахнет кровью каждый эпилог.

Тогда, устав от пушечного боя,
От холода и лязга колесниц,
Возьмешь людей и выкуешь героев,
Бронзоволицых пленников страниц.

Чтоб не старели, чтоб всегда горели,
Живые звенья фабульной цепи,
Чтоб прорастали серые шинели
В заснеженной украинской степи.

Укором, назиданием, примером,
Лекарством от духовной немоты,
Вставали юнкера и офицеры,
Бессмертные, поскольку смертен ты.

И волчий век вот-вот тебя размажет,
Но, может статься, самый главный, тот
Раскурит трубку и кому-то скажет:
«Булгакова нэ троньте. Пусть живёт».

И ты продолжишь городу и миру
Записки из отложенной петли,
И будет нехорошая квартира,
И будет МХАТ, и будет Массолит.

И жизни соль, и небо над Москвою,
И суета, и будничность вещей,
И зори, что кровавые подбои
На белом прокураторском плаще.

Далеко тьма, теперь лишь только в прозе,
И перед сном порою вспомнишь ты,
Как завязавший о последней дозе,
Из шомполов сложенные кресты.

И вдруг увидишь, словно дым котельной,
Великая в грядущем темнота!
И этот строй разреженный, но цельный,
И есть в строю свободные места!

«Катился поезд в сторону Вяземы...»

Катился поезд в сторону Вяземы.
Плескалось в брюшке жидкое винцо.
Мелькали в ряд болота, глиноземы,
И пахло малосольным огурцом.
Тут кто-то торговал в проходе торфом,
Там кто-то кипяtilьник продавал.
Подумал я: а как сейчас на Корфу?
И тут же мысль пустую оборвал.
И, может быть, смирение привечая,
А может, просто так, ни почему,
Господь послал мне поле иван-чая
В невероятном розовом дыму!
И я глядел и пристально и нежно,
В душе лелея русскую черту —
За темнотой и грубостью кромешной
Великую увидеть красоту.

Хурма

Горит огонь в оранжевой хурме,
Как в сердце непокорном и мятежном,
Которое всегда не в такт живёт.
Все время врозь, наружу, на отлёт.
Ни в небе, ни в земле, а как-то между
Чеканных строк Великого письма,
Где скалы слов и звезды многоточий,
Желанный, но непрошенный подстрочник,
Растет хурма. И значит – сгинет тьма!
И кладезей откроются затворы,
Сладчайший сок Заветного точа.
Мне все подвластно! Радость и печаль.
Создать дворец или разрушить город,
Являть себя в воде или огне...
Но я молчу, утрачивая ясность.
Незрелой истины нечаянная вязкость
Оскоминой сковала горло мне,
А та другая, что всегда одна,
Как встарь, осталась не изречена.

Ничего святого

Сегодня, я вижу, особенно дерзок твой рот,
Ты куришь сигары и пьешь обжигающий брют,
Послушай, далеко-далеко в пустыне идет
Слепой одинокий верблюд.

Ему от природы даны два высоких горба
И крепкие ноги, чтоб мерить пустые пески,
А здесь воскресенье, за окнами дождь и Арбат,
И хмурое небо оттенка сердечной тоски.

И ты не поймешь, отчего же случайная связь
Приносит порою такую ужасную боль,
А там над пустыней созвездий арабская вязь,
И глазом Шайтана восходит кровавый Альголь.

Но старый верблюд не увидит величья небес.
Он чует лишь воду и змей, и сухие кусты,
Как ты, обольщая бандитов и пьяных повес,
Торгуешь собою, не зная своей красоты.

Пусть память поэта простит небольшой плагиат,

Но вдруг ты очнешься от тягостных сладких забав.
Ты плачешь? Послушай, далеко-далеко на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Когда он шагнёт...

Лицо за стеклом, человек неизвестный
Стоит, ожидая минуты уместной,
Когда остановится поезд, и он
С досужей толпою шагнёт на перрон.

Потом все по плану, обычно и гладко,
Направо ступеньки, Кольцо, пересадка.
В извечном кружении спины и лица,
И это лицо среди лиц растворится.

Но что-то такое в его ожиданье.
Жуком в янтаре замерло мирозданье,
Как хищник в засаде застыло и ждёт,
Когда он шагнёт, когда он шагнёт.

А поезд к перрону всё ближе и ближе,
Но время нависло скалою недвижной,
И сколько столетий на счёт упадёт,
Пока он шагнёт, пока он шагнёт?

В экстазе с плебеем сольётся патриций,
И нищенка станет избранницей принца.
Состарится феникс и вновь оживёт,
Когда он шагнёт, когда он шагнёт.

Рассыплются горы, поднимутся реки,
И пятна Луны изгладятся навеки.
Отправится в путь антарктический лёд.
Когда он шагнёт, когда он шагнёт.

Зрачок сингулярности в сердце квазара,
Вращенье галактик и рев динозавров,
И самая первая книги строка —
Не ляжет, не будет, не станет, пока...

Такой же, как все, ни плохой, ни хороший,
Один из толпы, человечек творожный,
Не медля особенно и не спеша,
Привычный в грядущее сделает шаг!

«Скажи мне, что творится, Азазель?..»

Скажи мне, что творится, Азазель?
Как там Москва? Какие нынче нравы?
Мессир, в Москве весна, звенит капель.
Народ скорбит и плачет по Варавве.

А что же друг мой Иудейский царь?
Я слышал, он явился наконец-то.
Владыка, у царя плохой пиар.
Погиб безвестно где-то под Донецком.

Отрадно слышать. Что же нам тогда,
Остаться здесь или явиться лично?
Мой господин, какая в том нужда?
Они без вас справляются отлично.

И дьявол, развалясь у очага,
Поправит душ горящие поленья,
А над Москвой весна и облака,
И еле слышный шепот искупленья.

РавноДетствие¹

Равноудаленность от рождения и конца,
Полустанок. Вечное Бологое жизни.
Хочется выйти оглядеться. Что там впереди?
Но поезд уже гудит, раскрашивая тишину.
Вот-вот соскользну с линии перегиба,
Точно мартовский снег с крыши.
Тише, тише. Слышите? Лист падает на струну.

Бульвар

У стволов непроглядная умбра теней,
Синий бархат небесного фрака.
И, наставив рога ятаганной луне,
Лист каштана на грудь опустил ко мне
Пятипалый, как след волколака.

Парк так темен, так тягостно влажен и пуст,

¹ Термин, характеризующий чувственное восприятие середины жизни.

А бульвар за оградой так ярок,
Видит бог, я сегодня туда проберусь
Между строк. И бульвара испробую вкус
С ароматом антоновских яблок!

И пускай полицейский терзает свисток,
Пусть бежит расторопная стража.
Нынче ночью Земля совершает виток,
И осенний бульвар, точно цирк шапито,
Точно сцена на эллинской чаше.

Время дорого. Сладостью спелых плодов
Я скорее спешу насладиться,
Ведь стеклянные пальцы ночных холодов
Уже делят сюжеты на «после» и «до»,
Незаметно листая страницы.

Круговороты

На границе света тень ажурна,
Словно берег, морем иссеченный.
Листья липы сбрасывают в урну...
Возле остановки «Дом учёных».

В этот вечер, теплый непристойно,
В этом свете персиково-нежном
От перронов всей Первопрестольной
Поезда уходят к побережью.

Памятник суровый, бородатый,
Вечно остающийся на месте,
Строго смотрит, как спешат куда-то
Белые курортные семейства.

В суете досужего народа
Истукан недвижим и священен.
Он-то знает: в каждом из уходов
Вызревает семя возвращения.

Я в тенике сию себе лениво
На краю Пречистенской агоры,
Вместе с влагой разливного пива
В горло опрокидывая город.

А потом вразвалочку по парку,
Мимо сонной тяжести собора,
И метро «Кропоткинского» арка,

Словно древний змей Уроборос.

Вход и выход равно совместила,
Распахнув стеклянные ворота,
Чтобы мы, подобные светилу,
Делали свои круговороты.

Тюремщик

Зачем мне этот пламенный напор,
Оправа моисеева куста.
Я знаю, чем неистовой костёр,
Тем гуще и чернее темнота.

Страшусь его, держу его внутри,
Заветных слов креплю тугую вязь,
Но всякий раз шепчу ему: «Гори»,
К стене темницы тихо прислоняюсь.

А он ревёт и бьётся в тенетах,
И цепи рвёт, оковами звеня,
Струится в кровотоках-желобах
Бурлящая субстанция огня.

Опять я заключу ее в фиал,
Прозрачный, как полярная вода,
И повлеку дорогой между скал,
Который раз спускаясь в города.

Потребен людям жар моей души.
Он хворых от болезней исцелит,
Заплоты льда на реках сокрушит,
Над хлябями проводит корабли.

И буду я увенчан и любим,
Как бог, дарящий таинство огня,
И станет праздник, и курений дым,
И в храмах песнопенья в честь меня.

Но, отвергая жертвенный елей,
Скажу жрецам, явившимся ко мне:
«Я лишь тюремщик ярости своей,
Вы полюбили отблеск на стене».

Белый стих

Я белый, как мел на беленой стене,
Как белая трещина в белой Луне.
Я белый, как крем над кофейною пенкой,
Такой же, как вы, но другого оттенка.

А люди хохочут, они для меня
Как белые ночи для белого дня.
Похожи, и все же встречаются по коже,
За кожи несхожесть кляня и браня.

Скажите мне, белые стены дворцов
И белые бороды всех мудрецов,
Зачем в убеленном белилами мире
Я словно закуска на пире отцов?

Быть может, мне стоит окраску сменить?
И белую сказку на быль заменить?
Не белой вороной, но белой совою
В белесом безмолвии бело парить.

Чатланский гудбай

Позабыты прежние союзы,
В черном небе астры отцвели.
Дети Полдня, я целую в дюзы
Ваши световые корабли.

Бластер, гравицаппа, ключ на «восемь»
И скафандр, который не предаст.
В долгую космическую осень
Увожу свой старый пепелац.

Растворюсь в туманном Магеллане,
Гончих псов оставив за спиной.
Нынче и пацаки, и чатлане
Могут превратиться в перегной.

Перегной дождями увлажнится.
Что же ты не весел, гордый Тарс?
Будет кукуруза колоситься,
Разбавляя жёлтым красный Марс.

И фастфуд откроют в лунном цирке,

Станут там биг-маки продавать.
Мне, ребята, хуже чем эцихи
Ваша сетевая благодать!

Я плевал на ваш комфорт облезлый,
На постылый офисный покой,
Лучше так, навстречу звездной бездне,
Но своей, неторною тропой.

Ни к чему пустые разговоры.
Посмотри, как много звезд вокруг!
Где-то ждет меня моя Пандора,
И Аракис, и планета Блук.

На прощанье гляну исподлобья
И над полем плавно поднимусь.
Радуешься, морда эцилоппя?
Не надейся, я еще вернусь.

С армией таких же непослушных,
Что без страха цаками звенят.
Так что вам, наверно, будет лучше
Срочно трансклюкировать меня.

А иначе наберусь силёнок,
Подниму упрямую башку,
И взойдет над миром обновлённым
Грозное, торжественное «КУ!!!»

Я расту

Мне снилось, что я поднимаюсь, как тесто,
Расту неуклонно, как гриб дрожжевой.
Из уютной коробочки спаленки тесной
Ползу через край, извергаясь отвесно
На гравий бульваров, на пыль мостовой.

Прольюсь, заполняя пустоты и щели,
В замочные скважины влезу червём.
Во мне кубатура любых помещений.
Я неф и притворы, я храм и священник,
И масса, и плотность, и смысл, и объём.

Вздымаюсь курганом все шире и выше,
Журчу в водотоках, бегу в проводах,
Во мне все мосты, и карнизы, и крыши,
И листья каштанов, что ветер колышет,

И облаком в небе моя борода.

Зачем я? К чему этот рост несуразный?
Затем ли, чтоб вечером долгого дня
Я сверху на город взглянул звездоглазно,
А тот фонарями, и кольцами газа,
И тысячей окон глядел бы в меня...

Пятый маршрут (из цикла «Московский троллейбус»)

Пятый троллейбус пятого февраля.
Снегом припудрены серые скулы льда.
Каждый младенец – это отсчет с нуля,
Каждое «долго» значит – не навсегда.

Вдоль по Еланского ходит крылатый лев,
Над «Буревестником» царствует тень тельца,
Евангелисты, головы подперев,
Смотрят на землю пристально без конца.

Пятый троллейбус тихо шагает в центр,
Окна роддома ловят внезапный блик.
Каждые роды – это обвал цен.
Все, что неискренно, скроется в тот же миг.

В старой ротонде новую жизнь ждут.
Нянька вздыхает, ей надоел снег.
Пятый троллейбус – это и твой маршрут,
Пятиконечный новенький человек.

Как твое имя? Кажется – Николай?
Круглоголовый, плотненький, как атлет.
К этому имени лучшая рифма: «май».
Что же ты делаешь в сумрачном феврале?

Вьюга и холод? Полно, какой прок?
В русской метели трудно искать судьбу.
Ангел приник к младенцу и знак дорог
Неотвратимо запечатлел на лбу.

Ранняя оттепель гложет в Москве лёд,
Ночи холодные, к завтраку – до нуля.
Кто его знает, может, еще ждет
Пятый троллейбус пятого февраля.

Полёт в метро

Рожденный ползать летать не может.
Сказал – и сам себе не верю,
И как поверить, когда под кожей
Зреют курганы жемчужных перьев.

Когда ты ходишь, беремен небом,
А всем плевать, потому что сыты.
Ты бьёшь по ним обнажённым нервом.
Они опускают забрала быта.

А небо жжёт и горит в гортани,
Квадратное, острое небо смыслов.
Рождённый ползать – и вот ЛЕТАЮ!
Орбитой мечты, облаками высланной.

Очнулся на миг, под крылом планета.
Понедельник, утро, в метро тесно.
Граждане, уступите место поэту!
Будьте людьми, уступите место.

Ракета

Его еще не забыли.
Соседи расскажут вкратце,
Как рылся в автомобиле,
Ходил на канал купаться.

Нескладный, худой, лохматый,
Одежда, как на чужого.
Едва ли он был солдатом
И вовсе не пил спиртного.

Работал по будням в книжном,
В субботу играл на флейте,
Чудак с бородою рыжей.
Его обожали дети.

Он часто вставал до света
И что-то на крыше строил.
Антенну, маяк, ракету?
Из жести неладно скроенную.

За это его ругали,

А он лишь молчал угрюмо.
Милицию вызывали,
Писали доносы в Думу.

И вот дождались, накликали
Беду, что давно витала.
Флейтиста – на время в клинику,
Ракету – в приём металла.

Наутро в подъезд загаженный
Явились медбратья дюжие,
Здорового быта стражники,
Вязать и спасать недужного.

Вломились, а он – на крышу,
В ракету, и люк захлопнул.
Потом приключилась вспышка,
И стекла в подъезде лопнули.

Что было? Одни догадки.
Пресс-центр объяснить не может,
В газете писали кратко:
Мол, был смутьян уничтожен.

Но правды никто не знает,
Лишь только расскажут дети,
Что рыжий флейтист играет
Теперь на другой планете.

Конечно, детям не верили,
Но факт оставался фактом:
Случайно или намеренно,
Чудак запропал куда-то.

Ушел, а внизу остались
На кухнях пустые споры,
И жизнь с эпилогом «старость»
Из длинной цепи повторов.

Работа, зарплата, отдых,
Орбиты колец кружение,
И небо над крышей в звёздах,
Как вызов... как приглашение.

Пицца-поэзия

В коконе прогорклom никотиновом,

В стареньком потертom пиджаке
Шел поэт дворами и квартирами.
Шел один, без музы, налегке.

Во дворах сугробы тлели рифами,
Оттепель облизывала льды.
Он плевался скомканными рифмами
В черные отверстия воды.

И от рифм, как бесы от причастия,
Разбегались живо кто куда
Грязные столичные несчастья,
И тогда светлела темнота.

А поэт гулял себе, отмеченный
Светом кухонь, запахом пивных,
И ему навстречу были женщины,
Но поэту было не до них.

Он искал пристрастно, жадно, искренно,
Верил, что живет в Москве одна
Вечная немеркнущая истина,
Слаще меда и пьяней вина.

Он прошел Арбатом и Остоженкой,
Пил в Сокольниках и в Тушино бывал.
На Таганке ел коньяк с мороженым,
На Тверской просил и подавал.

Тасовал метро пустые станции,
Выпил все и всех перетусил,
А потом устал, сошел с дистанции
И обратно женщин попросил.

Он как книги женщин перелистывал
И уснул у лучшей под крылом,
А его ненайденная истина
Ела суши рядом, за углом.

Паладины истины ретивые,
Потружусь отметить вам мораль:
Алкоголь и кокон никотиновый
Помешали поискам, а жаль.

Скрипач

Старый еврей водой наполняет таз,

Длинными пальцами давит тугой рычаг.
Брови густые, сеть морщинок у глаз.
Лето. В городе нет работы для скрипача.

Улица пыльная, небо плывет над ней.
Ветви акации держат скорлупки гнезд.
Птицы ушли к морю искать людей.
Ворота открыты, стража бросила пост.

Старый еврей наполнит таз до краев,
Поднимет с трудом, неспешно пойдет назад.
Ветер прошепчет: «Здравствуй, почтенный Лёв...»
Он не ответит, даже не бросит взгляд.

Бражником с губ не шелохнёт «шалом».
Незачем людям духов благословлять.
Жидкость в тазу – чаянья о былом.
Только б дойти, только б не расплескать.

Улицей узкою мимо пустых окон,
К башне на площади, там, где растёт орех.
Жидкость в тазу – мыслей живой огонь.
Он пронесет, он принесет за всех.

Мертвое русло, пыли сухой ручей
Будет поить, капли грязи презрев.
Жизнь это солнце, ярче любых свечей!
Жизнь это слово «Аэ... Аэ маэф!»

Дрогнет земля, встанут ростки голов,
Плечи и руки закрепощенный прах.
«Здравствуй, отец! Здравствуй, почтенный Лёв!»
Небо над ним, скрипка в его руках.

Выйдет мелодия дикий, шальной гопак.
Тучи закружатся, грянет внезапный гром.
Ветхие крылья – старый его пиджак,
Пряди седые, тронутые дождем.

Длится и длится звуков и капель вихрь,
Бурно вздымается грива живой реки.
Видишь ли, мастер? Слышишь ли голос их?
Мягких ладоней глиняные хлопки.

Григорий Шувалов

Родился в 1981 году в пос. Ладва, Карелия.

Большую часть жизни прожил в пос. Шексна Вологодской области. Служил в пограничных войсках, работал на стройке и в театре. В 2003 г. поступил в Литинститут на поэтический семинар Ю.П. Кузнецова. После его смерти перешёл на семинар Е.Б. Рейна. В 2006 году с группой единомышленников основал поэтическую группу «Разговор», в 2009 г. вышел первый коллективный сборник стихов группы. Стихи печатались в российских журналах и периодике, переведены на английский, болгарский и вьетнамский языки. Участник и стипендиат форумов молодых писателей России и стран СНГ. Редактор поэтического журнала «Разговор», автор блога, посвященного современной поэзии.

«В этот год обмелела река...»

В этот год обмелела река,
от воды отодвинулись зданья,
стали ближе её берега,
так что впору бежать на свиданье.

Снова тучи над лесом сошлись,
никакого на них утомону,

в самый раз оглянуться на жизнь
и держать до зимы оборону.

Я иду по дождю и тоске,
вдалеке черной точкой собака
изучает следы на песке,
как астрологи круг зодиака.

Ветер к берегу гонит волну,
он не ведает страха и горя,
я ползу как улитка по дну
пересохшего моря.

Как безвольно душило меня
тридцать третье опальное лето,
порох есть, не хватило огня,
кисти есть, недостаточно света.

И любовь, что рябиной горит,
не утешит в осеннюю слякоть,
недозрелая горечь обид
от её поздних ягод.

Впрочем, хватит уже о больном,
и без этого грусти хватает,
дома встретят привычным теплом,
и душа отойдёт и оттает.

А потом снова выпадет снег,
белый-белый, пушистый-пушистый,
чтобы горя не знал человек
после осени мрачной и мглистой.

И деревья оденет зима
в небывалый наряд подвенечный,
не иссякли её закрома,
их запас бесконечный.

И иду я, дорогой влеком,
открестясь от унынья и грусти,
эта жизнь нам далась нелегко,
и легко мы её не отпустим.

«Классно тем, молодым и влюблённым...»

Жили они долго и счастливо

*и умерли в один день...
(из русских сказок)*

Классно тем, молодым и влюблённым,
что летят по путевке в круиз,
а их лайнер над солнечным склоном
неожиданно падает вниз.

Лучше так: пусть летят из круиза —
отдых тоже теперь не пустяк,
и уже проштампована виза,
и запилены фотки в «Контакт».

И осталась минута до взрыва...
полминуты... и скоро рванёт.
Он глядит на неё молчаливо
и до боли за руку берёт.

Да, родители будут в печали,
будет водку глушить лучший друг,
но зато они горя не знали,
не хлебнули измен и разлук,

и друг друга уже не обманут,
и любовь свою не предадут,
взявшись за руки, так и предстанут
на последний, на божеский суд.

Ну а нам, друг от друга уставшим
и в глаза научившимся лгать,
много раз свою честь потерявшим,
о таком можно только мечтать.

С высоты самолёт наш не падал,
теплоход не стремился ко дну.
Здесь — мы жизнь свою сделали адом,
там — и вовсе гадать не рискну.

Что ж спасибо, судьба, за науку,
что открылась уму моему.
Просто дай на прощание руку,
я её напоследок пожму.

«Мне повезло, дела мои неплохи...»

Мне повезло, дела мои неплохи,

я на ногах уверенно стою,
и поздний яд сомнительной эпохи
ещё не тронул молодость мою.

Ещё горит в груди огонь желанья,
и я не сожалею ни о чём —
я испытал любовь и расставанье,
и смерть стояла за моим плечом.

Я разлюбил бездушных и строптивых,
похожих на холодную зарю,
я счастлив был недавно в этих ивах,
а нынче с равнодушием смотрю.

Ушла вода, и обнажились мели,
притихли у причала корабли,
и всё, что в этой жизни не сумели,
мы словно крошки со стола смели.

«Солнечный день – и Москва ожила...»

Солнечный день – и Москва ожила,
будто бы заново всё разукрасили,
в жёлтом наряде берёзы и ясени,
зелень ещё до конца не сошла.

Ветра порыв нагибает кусты,
листья слетают и падают в воду,
детство всегда выбирает свободу,
не опасаясь её пустоты.

Скоро закончится весь этот блеф,
осень взяла уже город на мушку,
фотолюбитель, прогноз посмотрев,
на фотосессию выгнал подружку.

Смотрит с улыбкой она в объектив,
кадр остановит болтливое время,
мимо пройду, их оставив не в теме,
в эти стихи невзначай поместив.

Утки подняли детей на крыло,
скоро отправятся в теплые страны,
чувства запутались, как партизаны,
бросив без боя родное село.

А за спиной полыхает костёр —

жёлтые полосы, красные пятна,
и невозможно вернуться обратно,
выйдя однажды за этот простор.

«Дождя глухие переливы...»

Дождя глухие переливы,
в сознание – вспышка и обрыв.
Мне снятся атомные взрывы
и ты, похожая на взрыв.

И я от страха просыпаюсь,
и сердце ёкает в груди,
потом тебя найти пытаюсь,
но ты осталась позади.

За что мне это наваждение?
Скажи мне, Господи, ответь!
Зачем я должен жалкой тенью
на преисподнюю глядеть?

Я в темноте ищу одежду,
совсем не нужную сейчас.
Не забирай у нас надежду,
когда любовь покинет нас.

«Я тебе, подруга, растолкую...»

Я тебе, подруга, растолкую,
расскажу как есть, начистоту:
я любил одну, потом – другую,
а тебе оставил пустоту.

Пустота – неправильный подарок,
но его ты не вернёшь назад,
мы зашли под свод сосновых арок,
оставляя наш пансионат.

Я с начала знал, что проиграю,
что судьбы острее лезвиё,
но ещё в уме перебираю
имя королевское твоё.

После в Интернете пощечечем,
чтоб забыть друг друга навсегда.

Девочка уедет в Благовещенск,
а потом настанут холода.

Мне в музее выдали автомат,
Не стрелять, конечно же, так, для фото.
Мне в плечо упёрся его приклад,
Будто это с детства моя работа.

Старый добрый дедовский ППШ,
Сплав смертельный дерева и железа,
Ты, наверно, в юности не спеша
По фашистам трели давал из леса.

Как кузнечик смерти носился ты,
Враг, тебя услышав, на землю падал,
Разлетались головы и цветы,
Если ты плевался свинцовым ядом.

Не стрелял по людям я, не пришлось,
Но знаком плечу жёсткий вкус приклада,
И когда нагрянет незванный гость,
Я умру за Родину, если надо.

Застрекочут пули, рванёт фугас,
Пулемёт ударит с небес по тверди.
Дай мне силы, Господи, в этот час
Не бояться крови и близкой смерти.

«С утра проснёшься на работу...»

С утра проснёшься на работу,
а день такой же, как вчера.
Попил чайку, прогнал зевоту,
уж на работе быть пора.

Идёшь и думаешь о разном:
о смысле жизни, о судьбе,
о нашем мире безобразном,
и вдруг привидится тебе,

как будто ты один в ответе
за этот дикий вертоград,
но так же умирают дети,
и так же нищие смердят,

низы молчат, верхи воруют,

сосед спешит за наркотой,
и так же женщины торгуют
своей фальшивой красотой.

Бушуют войны и раздоры,
в умах разруха и бардак,
и бесполезны уговоры
и обещанья райских благ.

И ты уже придумал кары:
болезни, бедствия, потоп,
готовишь бури и пожары
и истребление нон-стоп.

Готов разрушить всё на свете,
сам свет тебе уже не мил.
Но вот во двор выходят дети,
и ты прощаешь этот мир.

Фантом

Презирая московскую скуку,
я остался стоять на краю,
я тебя потерял, словно руку
в беспощадном ненужном бою.

Это станет уроком потом нам,
а сегодня потеря легка.
Дорогая, ты стала фантомом,
и в могиле истлела рука.

И неважно теперь, что там было,
как подумаешь, все ерунда.
На горе зеленеет могила,
но бывают минуты, когда —

непогода ли в том виновата,
непонятно, короче, в чем соль, —
настигает меня как расплата
за ошибку фантомная боль.

И хожу я весь день инвалидом,
и тоскливо, хоть плачь, на душе,
и неясно, чего же болит там —
вроде все отболело уже.

«Забудь про былое, нажми тормоза...»

Забудь про былое, нажми тормоза
и с небом осенним напрасно не ссорься,
я кровью заката испачкал глаза,
тебя я не вижу, прощай, моё солнце.

Меня не спасут нашатырь и бинты,
не смогут меня откачать санитары,
чтоб сердце моё не покинула ты,
осталось красиво уйти под фанфары.

И больше не думать о самом простом,
ведь в пропасть уходит любая дорога
и чувства вовеки не станут мостом,
всё это – издержки красивого слога.

Не надо любовь превращать в балаган,
довольно тревог и метаний по краю.
В обнимку с реальностью ходит обман,
но я больше в этот обман не играю.

«Как слюбится, так и разлюбится...»

Как слюбится, так и разлюбится,
природа, наверно, права —
в оазисе ищет верблюдица
места, где сочнее трава.

Жевать бы жвачку колючую,
с полыньёю мешать саксаул,
да встретил её неминуемую
и жизнь словно в карты продул.

Всё верится – вот настоящее,
а не мимолётная блажь,
лишь с виду картинка блестящая,
на деле – обычный мираж.

Дотронься рукою до воздуха —
пройдёт по картинке волна,
искал я покоя и отдыха,
но в сердце и в мире война.

Грохочет салют над столицей,

девчонка со спрайтом стоит,
толпу окружила милиция,
по телику кто-то убит.

Вгрызается в мозг информация,
на башне салат из знамён,
и гибнет великая нация
под натиском пришлых племён.

Господне свершается мщение,
прогресс по наклонной идёт,
и только одно ополчение
надежду и гибель даёт.

«Этот город похож на наркотик...»

Этот город похож на наркотик,
мне уже не уйти никуда.
Я бросаю с моста вертолётник,
и его забирает вода.

Наша жизнь далека от кошмара.
Над рекой расстилается смог.
На перила влюблённая пара
прицепила амбарный замок.

Гаснет день и кончается лето,
холодок продирает насквозь.
Никогда я не верил в приметы,
потому ничего не сбылось.

Собираются птицы к отлёту
на юга в дармовое тепло.
Зря я выбрал трагичную ноту,
но иначе и быть не могло.

Ладва

В низине средь сосен и ёлок,
хлебнувший страданий и бед,
затерян карельский поселок,
где я появился на свет.

Рекою от уха до уха
разрезан на две стороны.

Разруха, разруха, разруха,
как после гражданской войны.

Зачем же я здесь очутился
и не позабуду никак
квартиру, в которой родился,
и Ленина ржавый пиджак,

мосты и развалины храма,
который погиб от огня,
то время, где папа и мама
немного моложе меня.

Да, были и ахи, и охи,
но всё же горели огни,
а мне от прекрасной эпохи
остались осколки одни.

И я не найду теперь средство,
движение лёгкое, чтоб
опять превратить это место
в сверкающий калейдоскоп.

Для тех, кому за 30

Заняться было нечем,
а завтра – не учиться,
и мы пошли на вечер
для тех, кому за 30.

Нам было по 15,
какие наши годы,
нас звали развлекаться
бубенчики свободы.

Шла водка без закуски
под модные куплеты,
горели синим блузки
от ультрафиолета,

и горя было мало
в одну из светлых пятниц,
и музыка блуждала
среди столов и пьяниц.

О молодость, куда ты
спешишь быстрее кометы?

А через 3 – в солдаты,
а через 5 – в поэты.

«Я знаю, ты ни в чем не виновата...»

Я знаю, ты ни в чем не виновата,
твои цветы еще не расцвели.
Как пуля пролетели два заката
и в прошлое навеки отошли.

Прохладою пропитано пространство,
прости-прощай и прочие дела.
Пора, подруга, выходить из транса,
ты не туда, красавица, зашла.

«Я так хотел открыть с тобою мир...»

Я так хотел открыть с тобою мир,
поверить в ложь, придуманную мною,
в той вечности, в которой мы сгорим,
но ты уйдёшь, и я глаза закрою.

И будет сон, но только без тебя,
и я дойду до той пустяшной бездны,
где можно жить, не плача, не любя,
я растворюсь в ней, навсегда исчезну.

Но ты во мне, ты всё ещё во мне,
и я ещё не умер, да, не умер.
Давай с тобою посидим-покурим,
и я исчезну в этом страшном сне.

«Войду в автобус чуть сутулясь...»

Войду в автобус чуть сутулясь,
взгляну презрительно на мир,
она так мило улыбнулась,
что я растаял, как пломбир.

Четыре долгих остановки
она смотрела с огоньком,
и сам я пялился неловко,
её волнением влеком.

Когда автобус наш причалил
и тени сделались длинней,
я был немного опечален,
но устремился вслед за ней.

Рассудок мой утратил хватку,
я был готов вступить в контакт,
она ж свернула в ту палатку,
где продается контрафакт.

И сразу сердце отпустило —
прощай, фальшивая моя,
водой холодной окатило
меня из лужи бытия.

Зато со мной моя свобода,
плыви, красавица, плыви.
Стихи в такое время года
Куда надежнее любви.

Весточка

За окнами — дудки и клевер,
местами мелькнет зверобой.
Прямую дорогу на север
цветы нам укажут с тобой.

Я весточку² ближним отправлю,
столичные сброшу тиски,
усну и проснусь в Ярославле
в предчувствии русской реки.

И, за руки взявшись, недолго
мы будем смотреть в темноту,
где плещется сонная Волга,
горят огоньки на мосту.

Хотя ничего не исправить
в разбитой годами судьбе,
за эту нелегкую память,
родная, спасибо тебе.

Спасибо тебе за немилость,
которая ждёт впереди.

² Весточка – русское слово, употребляемое автором вместо иноязычного «SMS».

Из сердца любовь испарилась,
но плещется Волга в груди.

Культурология

Александр Гриценко

Гриценко Александр Николаевич – драматург, прозаик, литературный и театральный критик. Более восьмисот статей в периодике о современной российской культуре. Автор диссертации «Концептуальная метафора в русскоязычной и англоязычной прессе. Лингвистический и исторический анализ». Председатель Международного правления Интернационального Союза писателей, первый заместитель главного редактора журнала «Российский колокол», член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

Лауреат Общенациональной литературной премии «Дебют» в номинации «драматургия», литературно-театральной премии «Хрустальная Роза Виктора Розова». Награжден Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ медалью А.П. Чехова за большой вклад в изучение и популяризацию творческого наследия этого автора.

Молчаливый подвиг

Молчаливые герои, о которых не поют песни, не снимают фильмы и не пишут книги, именно они могут стать примером для многих... Меня пригласили на открытие сезона регионального театра, чтобы я написал о премьере, но для крупного международного журнала – эта тема незначительная. Поэтому я напишу в общем о людях и пассионарности в городе Борисоглебск и о театре, конечно. Как же без театра?

Где легче управлять культурой?

Что это означает – «управлять культурой»? А то, что в любом деле, в том числе и в этом, должны быть лидеры. Мы пытаемся говорить об упадке русского языка – слишком много жаргонизмов и обесцененной, некоторые называют ее «сакральной», лексики.

А ведь язык – это вещь такая же сильная, как солнце. И защищать язык – не то же ли самое, что защищать солнце? Мы защищаем, а оно не знает. Светит себе и светит...

Однако первичен язык или носители? Что на кого или кто на то оказывает больше действия?

Эти вопросы вечные, и мнения делятся. Причем с каждой из сторон авторитетные эксперты.

Я считаю, что от людей зависит очень много. И от места, в котором эти люди находятся, и от их действий по укреплению языка и культуры в целом. Не от слов зависит, не от «круглых столов» по теме спасения всего и вся, а от действий, реальных дел.

Кем быть легче – министром культуры РФ или руководить отделом культуры в небольшом городе?

Кем быть сложнее? Директором театра в Москве или в регионе?

Министром быть трудно, директору театра в Москве приходится несладко. И министру, и директору нужно прикладывать миллион усилий, лавировать, избегать интриг. В провинции – деятелей культуры мало, и они все на виду. Правда, интриг тоже хватает...

Директор театра в провинции или завкультурой администрации точно живучей, чем столичный или федеральный чиновник, хотя бы потому, что финансирования меньше. Нужно крутиться и искать резервы. Уверен, что начальник отдела культуры, спорта и молодежной политики администрации БГО Галина Ильина и директор Борисоглебского муниципального драматического театра имени Чернышевского Светлана Второва смогли бы работать и на ответственных должностях в Москве.

Условия, в которых им приходится служить искусству, не столичные, однако фестивалей и премьер в городе большое количество, к работе привлекаются известные деятели искусств, и те едут в Борисоглебск с удовольствием. Потому что воздух чистый, атмосфера творческая, а люди готовы на любой подвиг. Кстати, в этом небольшом городе (население около 63 тыс. человек) родилось или жило большое количество Героев Советского Союза и России, а именно: 296 героев + 12 дважды = 308 героев. Удивительно!

О театре

Вообще точно никто не знает, с какого времени считать дату основания Борисоглебского театра. Говорят, недавно нашли новые документы, которые указывают на то, что театр в Борисоглебске появился раньше, чем считается официально. Пока точной информации у меня нет, если появится, то я сообщу об этом читателям журнала «Российский колокол» эксклюзивно.

Итак, известна следующая история Борисоглебского драматического театра. В 1909 году купец-меценат Ефим Дмитриевич Мягков начал строительство Народного дома. Для тех, кто плохо понимает такое явление как Народный дом, цитирую статью из всезнающей Википедии:

«Народный дом – в дореволюционной России общедоступное культурно-просветительское учреждение. Большинство Народных домов до 1914 г. были государственными (например, земские и муниципальные дома попечительства о народной трезвости), однако встречались и негосударственные Народные дома, построенные и финансируемые частными благотворителями. Создавались начиная с конца 1880-х гг., особенно широко – после революции 1905 года. Народные дома существовали и существуют и поныне в Чехии. Причем практически в каждом городе, а также в ряде стран Восточной Европы еще до 1880 года. Например, в Карлсбаде (ныне Карловы Вары). Гости из России могли перенять эту форму объединения растущих общественных интересов, а заодно и благозвучное название. Народный дом – место, где общества и творческие кружки могли проводить репетиции, концерты, балы, гильдии устраивать вечера, лекции, встречи и т. п. Владели Народным домом либо несколько гильдий, либо городские (муниципальные) власти».

В 1928 г. Борисоглебскому Народному дому было присвоено имя известного революционного демократа Николая Чернышевского. В 1937 году Народный дом стал официально именоваться как «Борисоглебский колхозно-совхозный театр», а из Москвы были командированы худрук, главный режиссер, главный художник и 25 актеров.

7 ноября 1937 года открылся первый театральный сезон, а в январе 1943 года театр назвали «Борисоглебский драматический театр имени Чернышевского».

Сейчас в театре ведется активная работа. За сезон выпускается около двенадцати премьер. Спектакли идут на большой и малой сцене. В репертуаре – комедии, драмы, экспериментальная драматургия и детские сказки.

В театре есть давняя традиция – «Неделя театра – детям и юношеству». В этом году проекту исполнилось 35 лет. Суть такая – ежедневно представляют спектакли, рассчитанные как на младший, так и на старший школьный возраст. Во время этой акции театр успевают посетить дети из всех школ города и района.

Современный театр Борисоглебска живет полноценной жизнью, участвует в фестивалях, выезжает на гастроли. А главное, что творческий коллектив не только существует на бюджетные деньги, но и умеет и зарабатывать на сборах с продаж билетов, часть денег идет на капитальный ремонт здания. Все это важно для творческого и морального состояния актеров. В холоде и голоде особо не поиграешь.

О театральной премии

В Борисоглебске вручают театральную премию имени Владимира Мальшина, называется она «Сердце актера». На этой церемонии чествуют лучших актеров, режиссеров и спектакли прошедшего сезона Борисоглебского драматического театра. Но недавно было принято решение вывести премию на всероссийский уровень и награждать коллег из других городов.

Нужно рассказать о человеке, имя которого носит премия. В нем было что-то беззаветное... Преданность театральному делу. Звучит банально и пафосно, а попробуйте поискать подобного, который всю жизнь посвятил не БДТ или МХТ, а провинциальному театру и буквально в него вдохнул вторую жизнь?..

37 лет Владимир Ильич Мальшин служил в Борисоглебске. До сих пор ходят легенды о том, как в трудные девяностые годы, когда не было средств, он организовал бесплатное питание для актеров. Он умел верно решать кадровые вопросы, и один из принятых им режиссеров поменял судьбу театра кардинально. Об этом я напишу ниже.

Умер директор в 2011 году на пороге Борисоглебского театра. В большом зрительном зале у него было любимое девятое кресло в 19-м ряду. Теперь на нем установлена мемориальная табличка.

Кстати, в 2015 году мне выпала честь вручать со сцены премию имени Владимира Мальшина в номинации «За лучшую женскую роль второго плана».

А как это все начиналось?

Говорят, что в 1937 году открытие первого сезона театра в Борисоглебске прошло отлично. Однако его омрачило одно неприятное событие.

Московский актер Снегирев, он играл буденновца, оказался пьяным и разошелся так, что вытащил шашку и погнался по сцене за двумя коллегами, которые интриговали против него. Он ругал их матом и обещал зарубить. Всего этого в пьесе, естественно, не было, однако публика не заметила подмену. Зрители аплодировали и кричали: «Руби сволочь белую!» За кулисами Снегирева связали. На следующий день, протрезвев, актер покаялся, поэтому вместо увольнения ему объявили строгий выговор.

В пятидесятые здание театра перестроили, оно стало эффектней, однако репертуар не утратил второсортности и провинциальности.

С 1974 г. директором театра становится Владимир Ильич Мальшин, который начал формировать свой коллектив из профессионалов.

В 1998 г. в театр был приглашен новый главный режиссер Адгур Кове. С приходом нового главного режиссера значительно изменился творческий почерк труппы, качество спектаклей, репертуар.

Многие авторитетные источники считают, что именно Кове вывел Борисоглебский муниципальный драматический театр на высокий профессиональный уровень. И тому доказательства – регалии, которые получил творческий коллектив при этом режиссере. Гран-при и приз за лучшую режиссуру на III фестивале театров малых городов России, проходившем в Вышнем Волочке в 2002 г. А также в Воронеже 2003 г. в смотре-конкурсе «Событие сезона» за спектакль по пьесе Марии Ладо «Очень простая история» театр стал лауреатом в целых трех номинациях.

О творческой манере Адгура Кове говорили так: *«Работать с ним интересно, потому что он темпераментный и энергичный. В его спектаклях есть мысль». Правда, актеры иногда и критиковали: «Он нечетко представляет, что хочет показать зрителю, у него обычно множество дорог, и мы до конца не представляем, по какой пойдем».* Кове всегда берет достаточно интересные, сложные пьесы, но чем интересней пьеса, тем уверенней в себе и своей идее должен быть режиссер.

Однако творческие успехи Адгура Кове снимают любую критику его метода.

О Мальшине и Кове на гастролях и в поездках по фестивалям новые знакомые, коллеги из других театров отзывались так:

«Это две яркие личности, но два антипода. Мальшин – сама открытость и откровенность, человек, всегда готовый поделиться своим мнением, впечатлениями, как говорится, душа нараспашку. Кове – приветливый, но сдержанный, скромный, наделенный несомненным талантом, богом данным».

С приходом нового главного режиссера театр ушел от легкого жанра и перешел к серьезной драматургии. Стали ставить Саймона, Лорку, Уильямса и других. Как правило,

все постановки Кове были высокого уровня режиссуры и актерского мастерства. Профессионалы отмечали превосходную хореографию, единую со спектаклем. Постановки Кове всегда насыщены символами.

В Борисоглебске Адгур Кове поставил «Урок» по пьесе Э. Ионеско, «Реквием» Леонида Андреева, «Чудо святого Антония» Метерлинка, «Дом Бернарды Альбы» Лорки, «Мой милый Плюшкин» Ольшанского...

Театровед, художественный руководитель культурно-информационного канала «Эхо Воронежа» Надежда Роговская так отзывалась о деятельности этого режиссера:

«Сказать, что Борисоглебский драматический театр, когда в него в качестве главного режиссера пришел Адгур Кове, переживал не лучшие времена, значит, не сказать ничего. Долгие годы репертуар составляли, в основном, пьесы третьего ряда, актеры были растренированы, режиссура – беспомощной. Он начал с «Самоубийцы» Эрдмана, и в выборе названия слышалась самоирония – верить в то, что этот театр можно как-то поднять, могли только большие оптимисты. Однако за короткий промежуток времени там появились спектакли, которые всерьез заинтересовали воронежскую критику, театр начал выезжать на фестивали и возвращаться с наградами. Условия были сложными, но режиссер показал, что может работать в предлагаемых обстоятельствах. Случалось, когда не хватало актеров, он набирал что-то вроде студии, обучал и вводил в репертуар. Огромное внимание уделялось сценическому движению, упор делался на пластический рисунок спектакля, где даже не очень одаренные драматическим талантом актеры вполне успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. Но главное заключалось в другой способности режиссера – создавать вокруг себя удивительно творческую атмосферу».

После Борисоглебска Кове ушел в Воронежский ТЮЗ, но оставил театр с приличным репертуаром и крепкой актерской дисциплиной.

Проблемы театра

Конечно, режиссером в Борисоглебском театре быть очень трудно.

История этого заведения культуры – это история борьбы за выживание.

Театр находится в небольшом городе, зрителей меньше, чем... тут уж не говорим о Москве, меньше, чем в областном центре, а значит, даже самые успешные постановки живут недолго: покажут премьеру, потом свозят на гастроли и на фестивали, и все. Многие ведущие актеры уезжали в другие места: где перспективней, как им казалось, творить или где попросту больше платят. Все годы с основания в труппе большая нехватка мужчин.

Виталий Черников пишет в своей статье «Неподалеку от войны» о проблемах Борисоглебского театра 40-х годов: «О достижениях и творческих планах протоколы сообщают суконным, «партийным» языком – пока не начнется разговор о проблемах. То кто-нибудь заявит, что «париков в парикмахерском цехе уже недостаточно, а приобретенными вновь париками дирекция пользоваться не разрешает»... То парторг жалуется: «Чувствуется, что большинство работников думают только о себе, а не о производстве, и ждут момента, когда можно уйти из этого театра в другой».

Театр не раз пытались закрыть – в 1941-м, в 1952-м, в 1974-м, в 1991-м, но тихий подвиг борисоглебцев его каждый раз спасал.

А теперь о премьере

Премьерой спектакля «Шесть блюд из одной курицы» открылся новый, 79 сезон Борисоглебского муниципального драматического театра им. Чернышевского. Режиссер-постановщик – заслуженная артистка Воронежской области Анна Бондаренко.

Автор пьесы Ганна Слущки, известный драматург и сценарист, написала лирическую комедию со множеством шуток и смешных моментов. И актеры правильно поняли задачу. Зрителей их игра не отпускала ни на секунду. Комедия комедией, но и драматические моменты стоят внимания. История главного персонажа Аркадия, который по вине матери вынужден был развестись с любимой женщиной. Он ее так и не смог забыть. Трагична судьба Илоны. Научный работник, она вынуждена кормить никчемного, но любимого мужа, и так как научная деятельность оплачивается низко, то ей приходится подрабатывать девушкой по вызову.

Сюжет простой: сердобольная мать, бизнес-женщина, хочет найти жену своему сыну и для этого покупает брачное агентство. Сам сын тоже преуспевающий бизнесмен, и сначала кажется, что у него главная проблема в жизни – это слишком опекающая мать.

Общее неправдоподобие ситуации – как же маменькин сынок и его странная родительница смогли создать успешную фирму? – разбавляется некоторой правдой жизни. «Не в деньгах счастье», «Не родись красивой...» и т. д.

Шутка «завещай поставить на свою могилу банкомат, чтобы хоть кто-то к тебе приходил» – вызвала у зала восторг и сорвала аплодисменты, как и многие другие шутки.

К Аркадию являются претендентки, по-другому не скажешь, и каждая – это тип женщины. Полудура, увлеченная «духовным поиском»; проститутка, отягощенная сантиментами и почти материнской любовью к своему мужу; бизнесменша, где-то внутри брошенная девочка, но снаружи камень и закаленная сталь...

Очередная «невеста» героя оказывается его бывшей женой, которую мать давно выжила из дому. Мать раскаялась и такой способ изобрела, чтобы вернуть сыну любимую жену, но сначала решила сделать последнюю попытку. А вдруг одумается и влюбится в другую? Не влюбился. Любит прежнюю. После небольшого препятствия – хеппи-энд.

Несмотря на простоту истории, в пьесу и спектакль заложен и подтекст.

Мать хочет, чтобы жена ее сына умела готовить шесть блюд из одной курицы, но это не только экономия, как вы понимаете, это набор качеств.

Мама была этаким наседкой, она шла и на блуд, и на преступления ради единственного сына. Мама ищет такую же идеальную курицу. А еще она ищет такую же верткую и предпримчивую.

И вот эти шесть блюд, которые можно приготовить из одной курицы:

Отварить:

- 1) из одной половины бульона сделать плов
- 2) из второй – холодец
- 3) из грудок – котлеты
- 4) крылья в сухарях
- 5) из ножек – жаркое
- 6) из потрошков – суп.

Несмотря на то, что мать вернула бывшую жену сыну, ее «шесть блюд» та не сможет теперь забыть. Вирус внедрен. Она точно станет такой, как хотелось маме Аркадия. Идеальной женой.

Стоит отметить прекрасную хореографию и работу художника-декоратора.

Из актеров особенно интересно играла Татьяна Гущина, она показала три абсолютно разных женских типажа.

А также стоит отметить профессиональную игру Максима Кудрявцева, он сыграл Аркадия.

Рецензии

Виктория Балашова

Автор: Гриценко Александр «Избранное»

Издательство:

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ, 2015 г.

Серия: Классики и современники

Жанр: Отечественная драматургия и др.

ISBN: 978-5-906784-00-1

Страниц: 440 (Офсет)

Тип обложки: обл. – мягкий переплет.

Иллюстрации: черно-белые

Не каждый писатель может похвастаться книгой с, казалось бы, незамысловатым названием «Избранное». Ведь для того чтобы ее составить, необходимо иметь не просто некое количество различных произведений, но произведений довольно-таки высокого уровня – то есть автор должен иметь своеобразный пул сочинений, из которых можно было бы выбрать лучшее. После прочтения книги Гриценко создается впечатление, что этот писатель поделился лишь частью своих работ и что он с легкостью «вытащил» бы из пула больше.

Однако избранные работы Александра Гриценко позволяют не только получить удовольствие от чтения. Читатель имеет редкую возможность пойти дальше: почувствовать тонкую грань между жанрами, посмотреть на жизнь глазами самых разных героев, рассмеяться и заплакать. Переживать целую гамму эмоций автор заставляет буквально через каждую страницу. Начинаящим писателям здесь и вовсе раздолье – не даром Гриценко уже много лет руководит и сам преподает на литературных курсах. Собственным примером он показывает, насколько многомерным бывает талант писателя: филигранно выписанные сюжеты, неожиданные финалы, точно выписанные характеры – не исключение, а правило, которым должен владеть каждый, кто берется за перо.

Отдельно хотелось бы остановиться на новеллах из цикла рассказов «Сны». Порой, чтобы написать хороший рассказ, автору приходится преодолеть куда больше сложностей, чем при написании большого романа. Своими новеллами Гриценко в который раз доказывает, что короткая дистанция ему не просто по плечу, это его конек. Совершенно сюрреалистический рассказ «Мальчик с разбитыми коленками» заставляет иначе взглянуть на мир детей, с иного ракурса увидеть проблемы и страхи маленького человечка. В «Метафизических червях» автор рассуждает, философствует, будто жонглирует словами, логично выстраивая цепочки предложений, и в какой-то момент заставляет поверить в «научность» своих выкладок. Совет, который он дает в финале, не кажется назидательным или нравоучительным – читатель воспринимает его как предписание доктора, чьей целью является не научить, а вылечить, помочь.

С неожиданной стороны автор раскрывается в рассказе «В стране чудес». Вдруг после грустных, порой трагических, часто очень откровенных работ читатель сталкивается с красивой сказкой про любовь. Тут и принц, и сказочный замок в таинственном лесу, и добрый волшебник, и даже король-отец. Гриценко опять удивляет, а ведь, листая страницу за страницей, читатель вроде проникся меланхолическим настроением и успел многократно вздохнуть. И тут – сюрприз, рассказ, внесший волшебную нотку, которая особенно придется по душе женской аудитории.

Конечно, нельзя не отметить повесть «Триумвират», написанную в соавторстве с Николаем Калиниченко и Андреем Щербаком-Жуковым. Это великолепная игра под названием «Поиграем в Льва Толстого». Чего только не добавили авторы в свое «блюдо»! Тут вам и

писатели-«негры», и масонский заговор, и даже «история» появления «Макдональдсов». Еще один поворот, и читатель уже от души смеется над приключениями несчастного Пьера Безухова, при этом практически ни на один шаг не предугадывая, как будет развиваться сюжет дальше.

Немалый интерес представляют и пьесы Александра Гриценко. В качестве драматурга он успел себя зарекомендовать давно. За пьесу «Носитель» Гриценко был удостоен премии «Дебют», и хотя пьесы принято смотреть на сцене, данное произведение при чтении играет совершенно иными красками. В сценическом воплощении зритель видит не только работу драматурга, но и постановщика, актеров и целого ряда других людей, которые помогают оживить написанные строки. Читая пьесу, мы видим замысел автора без примесей, в чистом виде. В «Носителях» читатель сталкивается с очень редким талантом писателя – умением писать живые, словно перенесенные с диктофона на бумагу, диалоги. Строить собственное суждение о поступках героев не мешают актерские образы и манера играть. Сравнение с «Гамлетом» кому-то покажется слишком смелым, но обе пьесы объединяет то, что их все-таки в первую очередь следует прочитать – очень уж много теряется в процессе переноса подобных текстов на сцену.

Вторая часть книги посвящена нехудожественным текстам. И тут палитра так же разнообразна, как и в первой части. Богатый жизненный опыт Александра Гриценко позволяет ему делиться с читателем размышлениями о творчестве современных писателей, путевыми заметками и даже рассуждениями по поводу критики его собственных произведений. И если кто-то подумает, что в этой части «Избранного» чтение становится скучным или академичным, то ошибется. Автор вновь доказывает, что способен увлечь текстами любого масштаба, написанными в любом жанре. Язык всех произведений в хорошем смысле простой и легкий, лишенный перегруженности и словесной мишуры, современный и яркий. Гриценко обладает собственным стилем, узнаваемым, но в то же время не замыленным штампами. Каждый раз автор ставит, выражаясь театральным языком, «освещение» по-разному, заставляя читателя лишь изумленно покачивать головой.

Книгу «Избранное» Александра Гриценко можно сравнить с новогодней елкой, которая таинственно поблескивает в углу темной комнаты. Мы, как маленькие дети, завороченно разглядываем «игрушки», развешенные автором с завидным мастерством. Он не стал довольствоваться стандартным набором разноцветных шаров. Для него это было бы слишком скучно. И кого мы только не увидим на ветках, даже троллей и портрет самого Льва Николаевича Толстого...

Анатолий Ливри

Анатолий Ливри, доктор наук, эллинист, поэт, философ, автор пятнадцати книг, опубликованных в России и Франции, бывший славист Сорбонны, ныне преподаватель русской литературы Университета Ниццы – Sophia Antipolis. Его философские работы получили признание немецкой «Ассоциации Фридрих Ницше» и неоднократно публиковались Гумбольдтским Университетом, а также берлинским издателем Ницше «Walter de Gruyter». Открытия Анатолия Ливри – эллиниста признаны «Ассоциацией эллинистов Франции Guillaume Budé», и с 2003 года издаются её альманахом под редакцией нынешнего декана факультета эллинистики Сорбонны, профессора Алена Бийо. В России Анатолий Ливри получил две международные премии: «Серебряная литера» и «Эврика!» за монографию «Набоков ницшеанец» («Алетейя», Петербург, 2005), в 2010 опубликованную по-французски парижским издательством «Hermann» (готовится к публикации в Германии на немецком языке).

Одновременно в Петербурге издано продолжение «Набокова ницшеанца» – переписанная автором на русский язык собственная докторская диссертация по компаративистике – «Физиология Сверхчеловека» – защищённая в Университете Ниццы в 2011 году. Анатолий Ливри – корреспондент «Литературной газеты» в Швейцарии.

Его повесть «Глаза», написанная в 1999 году, получила в 2010 литературную премию имени Марка Алданова, присуждаемую нью-йоркским «Новым Журналом». В 2012 году в

московском издательстве «Культурная революция» опубликован роман Анатолия Ливри – «Апостат». А в 2014 году в издательстве «Алетейя» вышел в свет сборник стихов «Сын гнева Господня».

В ноябре 2015 Д-р Анатолий Ливри стал лауреатом международной российской премии «Пятая стихия» в номинации «За гражданское мужество». Д-р Анатолий Ливри удостоился этой чести в России за свою борьбу за традиционную семью в Европе, а также за свою борьбу против университетской коррупции Франции. В Петербурге опубликован новый сборник стихов Д-ра Анатолия Ливри «Омофагия» («Алетейя», 2016, 146 с.) <https://www.ozon.ru/context/detail/id/35084096/>

Одна из статей, открывающих книгу Анатолия Ливри, принадлежит экс-ректору Литинститута им. Горького Сергею Есину.

О стихах Анатолия Ливри

Стихи Анатолия Ливри не для чтения в метро. Я пишу о стихах молодого мэтра из Ниццы уже второй раз. Первый сборник был проще и доступнее. Второй, как и положено хорошей литературе, требует усилий для восприятия. Цепляясь за знакомое и очевидное – с этого и начинаю разматывать: «полощет плющ решётчатой ограды...» и сразу к «чей камень от натуги вековой кровоточит как грыжа». Это всё о Париже – и лучше не скажешь...

Понимаю ли я и могу ли расшифровать всё, о чём пишет Ливри, этот отчаянный и, может быть, последний солдат святой филологии в Европе?

Да нет, не хватает ни эрудиции, ни точных знаний, но интуиция прекрасного на страже. Где мои университетские двадцать лет: сидеть бы со словарями, справочниками и географическими картами и разматывать эти кроссворды и ребусы. Какое испытываешь изумительное волнение, когда из слов вынимаешь замысел. Так опадает пересохшая глина с еще горячей отливки. Спадает, а дальше – ликующая бронза!

Сергей Есин.

За своё двадцатилетнее поэтическое творчество Анатолий Ливри стал лауреатом Международной премии «Пятая стихия» (2014–2015, Москва) в номинации за «Чувство меры, эстетизм и красоту русского Слова»: <http://anatoly-livry.e-monsite.com/medias/files/finesse-poesie.jpg>

Вогезы

Тут дышит недрами планета
Сквозь тесный лаз брюшных разломов,
И терпкий дух германских гномов
Тушует охрою рассветы.

Сюда останки монстров в сланце
Влекли чистейшие народы:
Князь-случай шулерской колоды!
Единство этноса и танца!

Здесь штамбы мифов Ариаварты
Пустили корни на холмах,
Чтоб Вотан, вечный вертопрах,

За Митру опрокинул кварту.

Я вновь пляшу, танатоходец,
Струной натянут материк,
Оступишься – Европу вмиг
С Земли слизнёт лихой народец.

Гран-Бальон, 4 января 2016

Вячеслав Лютый

Вячеслав Дмитриевич Лютый родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. Окончил радиотехнический факультет Воронежского политехнического института и Литературный институт им. Горького. Автор литературно-критических книг «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), многих публикаций в журналах, а также газетах «Литературная Россия», «Российский писатель», «Литературная газета», «День литературы». Заместитель главного редактора журнала «Подъём». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Терпение земли и воды

Поэзия Дианы Кан и современность

*Оно так, деточки. Кто трудится, кто терпит, тот и старше.
Антон Чехов. «В овраге».*

*...молчанью учусь у пустыни,
а пенью – у Волги-реки.
Диана Кан.*

*Покойный отец Тихон Агриков говорил, что мы живём в прибавленное время. Чрезмерное внимание к проблеме ожидания Второго Пришествия... уводит от настоящего, заставляет забрасывать текущие насущные дела, делает нас пассивными. Второе Пришествие еще будет, а ты уже сейчас умираешь.
Протоиерей Николай Гурьянов. Из «Бесед великих русских старцев».*

1. Современность

Литература, по существу, есть смыслообразующая часть культуры. Так или иначе, все иные компоненты или духовно-телесные отображения культуры несут на себе отпечатки столь присущего литературе духовного поиска, раздвигающего душевные человеческие рамки, преодолевающего их – и тем самым подтверждающего, казалось бы, не требующую доказательств давнюю истину: человек есть существо метафизическое.

Тем не менее, этот постулат всякий раз облекается многочисленными оговорками, и вот уже их плотная короста едва ли не покрывает его совсем, так что он только угадывается, почти удалённый из каждодневного человеческого существования – именно поэтому зримо лишённого черт надвременного бытия. Только в личностном начале присутствует таинственный бытийный сколок. Когда оно явно приглушено, быт берёт верх, тело управляет душой, а душа обречённо низвергается в сумеречную пучину подсознания.

Но вот однажды личность забывает себя, заземляет воздушные сердечные порывы, улаживает горечь разочарований и собственной тяжкой вины – и обращается к примерам прошлого, утешается логикой разумного, убаюкивает себя тёплой негой инстинктивного... Так возникает духовная смерть, и человек начинает «жить в духовной смерти». Он становится рационален, послушен внешнему расчерчиванию его теперь съжившегося «я» (прежде потенциально космического), уподобляется шахматной фигуре – схематичному облику, при-

креплённому накрепко к алгоритму действий и перемещений, не существующему вне этого алгоритма.

Нельзя сказать, что такой абрис присутствия в мире человека явно психологически обеднён, как раз напротив. Психея-душа миловидна и избыточна по краскам и формам, но нет в них гармонии, неуловимого совершенства, которое и не форма, и не содержание, а зыбкое расположение света в душе, его движение и конечное преобладание.

Таков «мёртвый человек» культуры, предсказуемый и забавный, не холодный и не горячий – тот, который «тёпл». Утесняя им литературу, выталкивая из неё человеческую личность, культура нарушает закон облекания:

- внешнее становится внутренним и разрушает целостный духовный организм;
- следствие занимает место причины – литературоцентричная культура превращается в культуроцентричную словесность;
- органическая структурная триада «личность – литература – культура» подменяется стартовым отсчётом дурной бесконечности: «культура – культура – культура...»

В этих современных удручающих обстоятельствах ответственность собственно литературы повышается неизмеримо. Она призвана объяснить читателю реальность, какой бы страшной и смутной та ни была... Показать высокое в человеке, потаённый отпечаток изначального образа Божьего... Приблизить горожанина к природе, чтобы вновь соединились мир зверей, растений, полей и рек – с миром трепещущей человеческой души, которая бесконечно устала от самой себя и ищет абсолютного закона доброты, правды, милосердия и любви.

И вот тут уместно обратить наш взгляд на современную русскую поэзию, поскольку именно ей в огромной степени свойственна интуиция и способность показать малыми словами – великое, а в житейском – проявить вневременное.

Но совершенно неожиданно мы обнаружим, что русская поэтическая почва перенасыщена семенами цветов и трав, прекрасных и целебных, однако в отсутствии древесных корней и плотного ствола являющих собой поросль в каком-то общем смысле сезонную, скоропреходящую. Она не связывает живыми жилами разные земные слои и не устремлена в наступающий день.

И станет понятно, что современная поэзия обеднена талантами, к которым приложим образ родового древа, объединяющего прошлое, настоящее и будущее. Это древо словно бы присутствует моментально в разных временах и в разных пространствах, присоединяет к себе всё дорогое, лечит больное и чахнувшее, даёт живительный сок зелёным и слабым побегам, дабы завтра они окрепли и продолжили русскую жизнь, у которой не видно начала и нет конца, ибо она – вековечна.

Но всё же есть имена и стихи, поразительные по жизненной силе, сосредоточенной в них. Один из таких феноменов – поэзия Дианы Кан.

2. Происхождение

В стихотворениях Дианы Кан практически невозможно обнаружить то бессильное уныние, которое, словно паралич, поразило нашу поэзию в последние годы. Не беря во внимание стихи бравурные, во многом внешние и крайне несовершенные в литературном отношении, можно увидеть, что тяжкий недуг тоски всё более утверждается в русском поэтическом организме. Крайне мало поэтов, которые, не призывая к немедленной борьбе за возрождение родимой земли, так чувствовали бы её мощные подземные токи, так понимали бы её глубокое и величественное дыхание, так спокойно созерцали бы её почти мистиче-

скую красоту – бессмертную: ибо уйди человек-варвар в никуда, и воспрянет всё природное в своём дивном совершенстве, будто и не было века жестокости, беспамятства и сухого ума.

Жизнелюбие – едва ли не уникальное свойство в современной литературе – есть примечательнейшая духовная черта поэзии Дианы Кан. Это движение сердца, взгляда, ума охватывает в её стихах видимый земной мир и человеческое прошлое, оно устремлено в завтрашний день, вернее, к той черте, что отделяет сегодняшнюю непроглядную ночь от наступающего рассвета. В поэтической речи Кан нет резонёрства и петушиных уверений в неизбежности русской победы над злом. Но есть какое-то тайное знание, что эта победа определённо произойдёт: будто взгляд сверху на времена и судьбы, когда детали скрыты дымкой.

А нам неприкаянно и непреклонно,
презрев проторённые прежде пути,
отвергнув трухлявую пышную крону,
от русского корня пробившись, расти.

Расти без печали, унынья и гнева
на крону, что застит нам солнечный свет...
Пускай мы как пасынки отчего древа,
но корень единый хранит нас от бед.

...Пока ты редеешь, державная крона,
и ширится всюду кликушеский вой,
взрастают побеги любви неуклонно
сыновней глубинки твоей корневой.

Такое визионерство чрезвычайно органично для поэтессы. Очень часто в малой сюжетной детали она способна увидеть завтрашнее событие, всеохватное и отчётливо закономерное, ибо речь её развивается от пустяка к великому, от житейской ерунды – к судьбе. Притом поэтический язык Дианы Кан удивительным образом соединяет в себе штрихи реальности – и её законченный, спроецированный в будущее художественный образ. С поразительной легкостью она может соединить в стихотворении настоящее и будущее, хотя и прошлое в её сюжетах, словно бы минуя текущий день, рождает собственное завтра. Здесь есть элемент волшебства, однако реальнее назвать такое явление интуицией и провидением.

Что же необходимо для того, чтобы видеть цепь событий одновременно и множить конкретные картины, каждая из которых является естественным продолжением другой? Ответ прост и сложен, умозритель и нагляден одновременно.

Поэт должен обладать невероятно большим ростом, он парадоксально возвышается над временем, ему по силам озирать огромные земные пространства и приближать к глазам крохотные детали мира. Конечно же, перед нами метафизическая фигура певца, спрятанная в человеческое тело с неповторимым лицом, движением глаз, взмахом рук, голосом и походкой. У него есть имя и фамилия, родичи и друзья, отчий край, любовь, ненависть, борьба и милосердие. И ещё – чувство рода.

Именно оно сообщает мощный жизненный порыв процитированному выше стихотворению о великом русском древе.

Ясно понимаемое слово «мы» наполнено для поэтессы не только совершенно реальным расширительным смыслом, но и мистическим, когда на одной линии могут стоять и древний богатырь, и крестьянин-пахарь прошлых десятилетий, и солдат Великой Отечественной, и учитель-подвижник, не жалеющий себя в нынешнее, вероломное и подлое время.

Однако будни требуют от нас конкретных слов, насыщенных социальными и нравственными приметами жизни. И Кан предъявляет современнику поэтический очерк 60-70-х годов прошлого столетия. Оболганные и непростые для понимания десятилетия предстают как период покоя истерзанной кровавыми сражениями и коммунистическими экспериментами великой страны, которую прежде называли советской, а в глубине души понимали как русскую:

Покуда брюзжало тайком диссидентство
в курилках, на кухнях за сытым столом —
смеялось-искрилось счастливое детство,
и синие ночи взвивались костром.

Оно отсмеялось, оно отыскрилось,
Подёрнулось горестным пеплом утрат...
И не объяснит, как всё это случилось,
уже ни товарищ, ни друг и ни брат.

Ужель нас за то упрекнёте? Едва ли!
Вы, дети великой и страшной войны,
что не холодали мы, не голодали,
что звонко смеялись и в ногу шагали,
что самое лучшее время застали
мы — дочери ваши и ваши сыны.

Вот так и живём с ощущением утраты
огромной страны, превращённой в туман...
Мы не диссиденты и не демократы.
Мы дети рабочих и внуки крестьян.

Поэтесса спускается вниз по временной лестнице, и взгляд её прикован к «делателям». Кстати сказать, в целом поэзия Дианы Кан исполнена гневного презрения к пустословам, кем бы они ни были — «шестидесятниками» с фигой в кармане или же патриотами-болтунами, которым для обустройства России не хватает лишь «пивка — для рывка». Полнота или скудость вечернего стола тут совершенно ни при чём, речь — о расчётливости сердца.

Певец способен охватить без разрывов большие временные отрезки. Он возвышается над приземным течением времени и не пленён текущей хроникой жизни, у него личное отношение к происходящему, сильный голос и спокойная, с несокрушимым достоинством интонация речи.

Вот, в самых общих чертах, корень, из которого произрастают творческое вдохновение и нравственный стоицизм поэтессы.

Очевидна и почва, питающая русское дерево сегодня. Она даёт опору телу и душе и скрывает под собой пласты старого жизнеустройства. Принимая минувший день, мы яснее видим отдалённое прошлое, созревает наше миропонимание, складывается наша репутация, формируется духовное задание.

Диана Кан предъявила современникам знаки почвы и поколения. Её поэтический профиль, таким образом, стал отчётливо узнаваем. Однако тайные пределы художественного мира поэтессы и законы его устройства не постичь без дополнительных, самых общих смысловых ориентиров. Множество стихотворений Кан неопровержимо свидетельствуют: это — земля и вода. Их сокровенная роль исключительно велика в её творчестве. И ещё — терпение.

3. Вода

Терпение земли и терпение воды – по существу, это то самое покорное состояние природы, в котором она была передана Богом человеку после его грехопадения. Когда несоответствие между горным заданием и чёрными человеческими делами становится ужасающим, в природе просыпается неуправляемое стихийное начало. Теперь она – самовластна, тогда как человек всё более ничтожен в прикровенно грозном устройстве земного пространства. Тут ещё одно напоминание об утраченном Эдеме, о принятых первыми людьми ризах кожаных, о хлебе, добываемом тяжким трудом, о смерти, которая вошла в земной мир и повредила его основания на долгие времена.

Есть терпение земли и терпение воды, терпение воздуха – и терпение человека, христиански кроткого. Природа словно бы говорит нам о скромности и смирении, которые поистине являются опорами мироздания. В их отсутствие она легко отринет человека и вернётся в кипящее состояние, забыв прежние Имена и Поручения. Ибо само послушание уже подвергнуто нами издевательскому осмеянию и названо излишним.

У Дианы Кан всякое упоминание воды связано с реками, ручьями, дождём... Малые – говорливые Татьянка, Криуша, Сухая Самарка, величественная Волга со своими притоками-воложками, песенный казацкий Урал-Яик, Москва-река, мертвящая живую влагу, что питает её течение...

«Матушка Теплынь-река, неспешна и светла» видится поэтессе зеркалом традиционной русской жизни, которая «упорно, не спеша, торит земной тернистый путь...». Иные речки кажутся людьми, со своими повадками и житейской историей. Хотя их долгий век несопоставим с мгновенной человеческой жизнью. Они исподволь, как бы невзначай могут рассказать певцу многое о давнем времени, о людях былинного прошлого, о чудесных знамениях и пророчествах.

Вода у Кан всегда течёт, животворит, утоляет жажду и вместе с землёй дарит крестьянину хлеб. Это – пресная влага, которая, даже собираясь в море-водохранилище, кардинально отличается от стихии морской, горьковато-солёной. Собственно моря в стихотворениях поэтессы нет. И если в какой-то строке вдруг появится солёная влага, она окажется тёплой женской слезой, ещё одной приметой стоического русского быта.

В стихотворении «Не похвалялся, едучи на рать...» солдат, вернувшийся с победой в отчий дом, испил чистой колодезной воды.

«Вкусна водица!» – крикнул и как есть
всего себя он окатил водою —
живой водой, что водится лишь здесь:
колодезной, родимой, ключевой.

Она текла, беспечна и вольна.
Он текла-текла, не утекала.
Не только по усам текла она,
но золото медалей омывала.

Не зря живой в народе прослыла —
она бальзамом врачевала раны.
И мёда слаще та вода была,
что венчана с родной землёй песчаной.

Она роднилась с солнцем и тогда
высокой тучей в небо поднималась...
Стремилась в Волгу отчая вода,
текла сквозь пальцы, в руки не давалась.

Таинственная родовая стихия, вода связывает землю и небо, касается человека, омывает его, но в руки не даётся, потому что является чем-то изначально живым, в отличие от любого иного предмета, даже луговой травы. По сравнению с измученным цивилизацией человеком, бег речной воды кажется мудрым и наивным одновременно.

Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка,
сестра-исповедница плачущих ив,
ты не расплескала, Сухая Самарка,
сквозь мудрость столетий свой детский наив.

Прощальный венок с безотчётной любовью
дарю тебе, сняв со своей головы —
подёрнутый охрой, забрызганный кровью
и тронутый золотом поздней листвы.

Кореянка по отцу – советскому офицеру, поэтесса роднится с землёй через воду, ибо реки связывают народы и территории, языки и обычаи. По её словам, кан – это древнее обозначение реки вообще, широко распространённое в Южной Азии.

Раньше, двигаясь наугад, порою «путеводной звезде вопреки», её лирическая героиня выходила «к пересохшему руслу умершей реки». Теперь же у Кан не найти мёртвых рек и морей, в её очень предметных строках – огромное количество природной воды, с которой связаны движение, утоление жажды, звуки жизни... И здесь – реальное присутствие биографических азиатских корней: с годами они напитываются влагой больших и малых русских рек.

У Дианы Кан речной говор перекликается с песенным словом, и шире – с народной речью. Поэт одухотворяется этой языковой средой, её сокровенной правдой, исповедальной как в мистическом, так и в земном смысле, когда важно рассказать другому обо всём, что мучает твоё сердце. Такое понимание поэзии требует от художника ответственности, перекраивает его судьбу, заставляет трепетно ценить голубя как вестника Божия и снисходительно относиться к житейски рассудительной синице («ты – Слово, возводящее на крест – две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь»; «вёрткое словечко-воробей»).

В раннем шутилом стихотворении о русалке есть знаменательная строка, которая ассоциативно свидетельствует о неразрывном единстве русского певца и песни, русского поэта и литературы: «Я в реке живу, а не купаюсь!...». Кстати, это одно из первых появлений «реки» в поэзии Дианы Кан.

Позже она создаст образ совершенно иного существования в литературном мире, и её оценка «вёрткого словечка-воробья» будет бескомпромиссна.

Болтушка, душка, врушка-хохотушка,
она немало наломала строф...
Причепурясь, стишата шепчет в ушко.
И голосок насмешливо-медов.

...Покуда спор ведут о судьбах мира

и друг на друга всё глядят в упор
классическая с варварскою лирой,
и нескончаем беспощадный спор

с паскудницей, пролазой и пронырой,
всё высмеять готовой наперёд,
в обнимку с местечковой пошлой лирой
к гибели беспечно мир идёт.

В стихотворениях Кан сосредоточено очень сильное строительное начало, что особенно заметно на фоне современной русской поэзии, до предела перенасыщенной погребальными или, 92 напротив, баррикадными мотивами. В таком «психологическом устройстве» её художественной речи чувствуется некая внутренняя обязанность автора перед Вышним. Юность трав и весеннее детство земли поэтесса очень ценит. К человеку же у Кан – другой счёт: у человека должна быть задача. Он не может стать «наивной травой», однако непременно должен быть при траве, при дереве, при реке, при поле... Чуткий, милосердный и властный – для православного христианина в этих определениях содержатся самые общие характеристики Бога. Но и человеку-созидателю подобные свойства в той или иной степени присущи. Если читатель согласится с таким утверждением, для него в стихотворениях Дианы Кан станут понятными не только образы воина, художника, матери, но и олицетворённые образы Руси, Волги, ветра, всего русского космоса – «неоглядного пространства, посильного лишь для славянских глаз».

4. Ополченец

Совершенно реальные земли и реки у поэтессы соседствуют с былинными образами. И если реальность, попадая в художественное произведение, становится некоей идеей, словно бы парящей над грубой земной поверхностью, то мистический антураж, совсем наоборот, превращается во что-то осязаемое – его можно не только видеть в деталях, но и потрогать рукой. Таковы два стихотворения Кан о реке Смородине и Пучай-реке. В них лирическая героиня предстаёт в виде воительницы, призванной остановить нашествие тьмы и смерти на Русь.

В славянской мифологии Смородина – река, отделяющая мир живых от мира мёртвых; место обитания Чуда-Юда поганого – от Родины, Руси Святой. Через Смородину переброшен Калинов мост, а меж берегов течёт огненный поток, кипящая смола (название реки от древнерусского слова «смород» – сильный, резкий запах, зловоние, смрад). У моста находится ракитов куст. По преданию, он вырос на самом первом на земле камне, выброшенном рыбой из моря. Это – место обитания птиц и животных, обладающих даром предвидения и особой силой. Среди них – Соловей-разбойник. Противостояние на Калиновом мосту, на реке Смородине есть вечная битва Добра и зла, в христианской мистике – происходящая в сердце каждого человека.

Перед нами – не только преддверие битвы с нечистью, но и сторожевой дозор:

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звезд
достать сквозь облака.

И – тишина... И лишь один

здесь свищет средь ветвей
разгульный Одихмантьев сын
Разбойник-Соловей.

Почто, не зная почему,
ступив на зыбкий мост,
вдруг ошетинился во тьму
мой верный чёрный пес?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!»,
когда споткнулся на мосту
мой богатырский конь.

Здесь мой рубеж последний врос
на долгие века...
...Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

Тишина, словно перед бурей, зловещий посвист Соловья-разбойника, небо закрыто облаками. Но взор богатыря видит звёзды сквозь тучи, и его рука, кажется, в состоянии достать до них.

Здесь нет прозрачности природы, однако очевидна просветлённость главного героя. И очертания его роста, несопоставимого с бытовыми представлениями. Важно понять существенную особенность этих метафизических контуров воина: он – не надмирен, а как бы «сквозьмирен» и способен проникать в своем шаге и взгляде и времена, и пространства.

Вместе с тем не случайна глагольная характеристика этого «последнего рубежа»: он «врос» в берег. На первый взгляд, здесь метафорический образ, роль которого усилить впечатление от оборонной позиции героя. Но на деле в стихотворении неявно подчёркнута связь защитника Руси с родной землёй, с почвой, его укоренённость в мире Света и Правды. Поэзия Дианы Кан буквально пронизана многочисленными отголосками этого образа.

Может показаться, что богатырю помогают притемнённые персонажи, чей облик обнаруживает их связь со сгустившимся за мостом мраком: «мой верный чёрный пес»; «ворон гаркнул в пустоту: «Врага не проворонь!» (не названный прямо чёрный цвет).

Мир Божий насыщен множеством цветов, в числе прочих – и чёрный. А мрак – это отсутствие явного цвета и его границ, линий и полутонов, уничтожение формы – как свойства, которое Бог сообщил творению. И потому нередко ворон – вестник мудрости и прозорливости, а чёрный пес – верный помощник и страж. По русским поверьям, двоеглазка – черношерстная собака, имеющая под глазами два белых пятна, которыми она усматривает всякую нечистую силу.

Стихотворение «Назад откинув чуб ковыльный свой...» выглядит продолжением рассмотренного выше мистического сюжета:

...испив смиренья русской Иордани,
презрев земной ожесточённый бой,
какой от неба ты взыскуешь дани?

Почто, ответь, и Бога не гневи,
пришёл шелоном черпать вдохновенья

для битвы, для молитвы, для любви
в Пучай-реке печали и забвенья?

Когда шагнёшь по грудь в Пучай-реку
и на курганах встрепаются враны,
тогда не пожелаешь и врагу
пить из неё и омыwać в ней раны.

Пучай-река (аналог реки Смородины) бурлива и свирепа, её кипящая поверхность клочется и вспучивается. Былина рассказывает, как в ней искупался Добрыня Никитич, идя на сражение со Змеем (по преданию, название происходит от речки Пучайки, в которой крестились киевляне).

В отличие от стихотворения «Ракитов куст. Калинов мост...», где изображены мгновения до схватки с адским противником, здесь очень сдержанно выписываются главные моменты роковой битвы. Хотя эти картины несколько отвлечены от фотографической реальности и кажутся вспомогательными по отношению к психологическому портрету лирического героя – alter ego автора.

«Испив смиренья» и «презрев... земной бой», он приходит к «Пучай-реке печали и забвенья». Сердце, освобождённое от земных страстей, погружено в пограничные, inferнальные воды («шагнёшь по грудь в Пучай-реку») – и мир внезапно получает светлый импульс, а грозный речной поток, будто мгновенно очистившись, разрушает мосты, по которым сатанинские силы стремились перейти на берег, где цветёт жизнь, несовершенная и порой жестокая, но всё-таки осенённая именем Христа.

Вторая часть этого мистического диптиха показывает нам зрелую душу русского человека, стоически твёрдую в духовном выборе, готовую быть последним живым ополченцем в главном сражении Добра и зла.

5. Испытание

Степень подробности в изображении мира и человека может многое сказать о духовном устройстве художника. Современное искусство поистине обезображено свалкой самых различных принадлежностей сегодняшнего быта и шире – сегодняшней цивилизации.

Между тем, мелочь душевных движений и чувств порочно дополняют эту «мусорную» картину городской жизни. В отрыве от природы и в сознании её враждебности человеку, его душевный мир опустошается, теряет духовные ориентиры и принимает за нечто подлинное – пустышки, муляжи...

Так в поэзии появляется дробность восприятия, драпируемая едва ли не списком мельчайших лирических зарисовок, которые призваны скрыть неспособность автора к переживанию глубокому, соединяющемуся множеством тончайших нитей с мирозданием. В итоге читателю предлагается вникнуть в быт сочинителя, войти в его чувствования – порывистые, кратковременные, необязательные, возникающие, кажется, на пустом месте и не способные заполнить собой даже малую клетку этой пустоты. Слова и строки здесь исчезают даже раньше, нежели кончится видимый текст, поскольку они лишены силы к автономному существованию – без имени и голоса автора. И потому глаз проваливается в страницу, словно в рыхлый снег, под которым не нащупать твёрдой почвы. Тем не менее, все признаки стихотворной речи тут могут быть налицо.

Читателю это обстоятельство совершенно не интересно, потому что книга им открывается в надежде найти собеседника, но вовсе не затем, чтобы лишний раз убедиться в похвальных версификационных умениях автора. Который в данном случае – лишь мастер-специ-

алист, неизмеримо далеко отстоящий от гения, художественный слуга, возомнивший себя творцом.

В нынешние времена порог конфликта «Моцарт-Сальери» резко снизился. Причина в том, что само определение творчества как-то неуловимо соединилось с правом художника на самовыражение. Однако здесь была утрачена важнейшая бытийная связь между первым и вторым: всякий художественный акт никоим образом не должен ставить под сомнение настоящее имя его творца – имя Художника.

Это правило справедливо как для искусства, так и для творческих его предместий. Произвольно начинающий писать стихи, сочинять музыку, создавать картину прежде должен осознать себя художником – и только потом, фигурально говоря, выходить на люди под таким именем.

Сегодня «условие самовыражения» оттеснило изначальное «условие художника» на второе место. И стало возможным вытворять в искусстве всё, что вздумается, потому что именно таким наглядным способом, почти законно, подтверждается присвоенное самозванцем право называться художником – пожизненно и не отменяемо. В какой-то степени это явление смыкается с другим, получившим фатальное распространение в нынешние дни: искусство, и литература в том числе, катастрофически теряют одухотворённость как главный смысл акта творчества. Тут есть несомненные черты апокалипсиса.

Чем в большей степени человек в искусстве предстаёт как существо сугубо телесное, тем несчастнее он кажется – мгновенный, обречённый и одинокий в своей телесной замкнутости, абсолютно не соединяемый со всеми иными, которые не есть «Я». Даже преуспевающий сейчас, на завтра он увидится маленьким и беззащитным перед ударом судьбы, безвольно лежащим на твёрдом камне или мягкой постели, существом, выговаривающим мольбы, которые никто не слышит. Его взгляд и слух с ужасом фиксируют это, превращая почти бессвязный угасающий шёпот в лишённый звука вопль конца.

Современное искусство оказывается, таким образом, некоей художественной дверью в метафизическое ничто. Впечатления зрителя не проникают вглубь человеческих фигур, выписанных на холсте, ибо это – объекты, духовная связь с которыми, по определению, невозможна. Они отдельны и ужасающе конечны при всей, подчас, «божественной нерукотворности» их прекрасного тела.

Этот философский и эстетический фон чрезвычайно важен. Мы нам предлагает сегодняшняя культура с назойливостью «напёрсточника» – прежде, чем откроем книгу стихотворений Дианы Кан и войдём в её художественный мир, исполненный высокого национального задания и духовной ответственности.

В кругу молчаливых монашек
смирив горделивую грусть,
в букет монастырских ромашек
лицом покаянно уткнусь.

Туманы. Дурманы. Обманы...
Вот мир, где познала я тьму.
«Отыди от мене, сатано!» —
при встрече отвечу ему.

По древним русским народным представлениям, поверхность земли расстроена грехом, поразившим мир. Но в глубине лежит настоящее, чистое земное тело, с которым связан образ Богородицы. Так и человек, до предела опутанный мирской суетой и тяжкими про-

ступками, не является существом окончательно погибшим, потому что в глубине своей душа человеческая – христианка. Это же можно сказать и о современной России.

Глубинка русская, держись!
Трудись, родная, дотемна!
Такая, знать, приспела жисть,
что ты столице не нужна.

...С любым, как с любым, в пляс идёт.
весельем чумовым зайдась...
Поберегись, честной народ!
Ей всё равно, что грязь, что князь.

Москва, Москва... Как та свинья,
которой не до поросят,
когда залётные князья
её саму всю палят.

У Дианы Кан «заблудшая земля» ещё хранит заповедную чистоту в медвежьих уголках, малых селах, лугах и лесах, в то время как столица собственного нравственного падения совсем не стесняется, распространяя порок по русским городам и весям. Одухотворённые строки поэтессы, так или иначе связанные с образом земли, невозможно прикрепить к тесному пространству нынешнего российского центра.

«Жалкая торба пустая» – зримая примета провинциальной скудости – оказывается мистическим звеном, соединяющим истоптанную дорогу с «голубиным» земным телом. В этой былинной «торбе» сквозит «тяга земная», рядом с которой приоритеты цивилизации – смехотворны.

Современный человек – существо легкомысленное. Чужой разор и беда для него будто картинки на телеэкране, который всегда можно отключить. Но грянул гром, рухнули благополучие и покой – и вчерашний герой вдруг превратился в одиночку, чьи душевные терзания теперь никому не интересны. И кажется, нет для него ни пути, ни дома на всём белом свете.

Тогда, коль недоля приспела такая,
к родимой земле припади.
И, щедро слезами её окропляя,
окрепни у ней на груди.

Это родство земной глубины и человеческой души – в её первозданном, «голом» виде, когда она не обременена заботами о мгновенном, пустом, тщетном. Именно потому образы земли так важны для понимания человека в стихотворениях Кан.

Облики земли у поэтессы, как правило, разделены. Востоку принадлежит песок, вздымаемый ветром пустыни и заметающий царства, прежде славные и великие. Русь соединена со степью, каменистой и ухабистой дорогой, лесной поляной, болотиной, огородной пахотой, полевой стернёй. Только среднерусская пыль, взметаемая грозным дуновением, как будто сроднена с пылевой азиатской бурей. Но если Восток внушает человеку мысли о тщетности земных усилий, какими бы целеустремлёнными они ни были, то российские просторы напоены дремлющей свободой и жизненной силой, спрятанной в слоях чернозёма и готовой явить себя с первой тёплой дождевой или речной влагой.

Песок и пыль – символический аналог времени. Судьба связала детство и юность Кан с Азией, закалившей её характер и волю.

Корейская и казацкая кровь смешались в жилах поэтессы, породив жёсткий характер и мягкую отходчивость, ярость бойца и православную покаянность.

Вместе с тем Кан отчётливо понимает разницу между кровным родом – и родом духовным. Отдавая земле земное, не отрекаясь от прожитой жизни и всем существом впитывая жизнь настоящую, поэтесса чувствует мистику Святой Руси и собственную принадлежность к Небесному Отечеству.

И роняет признание, объемлющее почву и надмирные пределы, певческий дар и нравственный долг воина, защищающего от врага родимый дом:

Корнями в землю русскую вросла...
И нет на белом свете ремесла
превыше этой связи корневой
меж вольным небом и родной землёй.

Образы рек, и в особенности Волги; лица простых людей, тянущих нелёгкую жизненную лямку; печаль разорения и сердечное умиление красотой русского пейзажа; тяжкий труд униженных и оскорблённых соотечественников; почитание таинства свежего, теплого хлеба; любовь и ненависть, терпение и стоицизм – всё слилось в некий художественно-бытийный поток, вдохновенный и властный. Такова поэзия Дианы Кан, в своей полноте и национальная, и православная.

Пора крещенских водосвятий...
Ты поутру пораньше встань.
Мы, помолившись у распятий,
молчком пойдём на иордань.

По два ведра на коромысле,
что всклянь полны святой водой,
прогнавши суетные мысли,
мы в избу принесём с тобой.

...Всем хватит Божьей благодати,
покуда с нами Бог ещё!

В этом стихотворении есть два небольших акцента, которые подчёркивают неразрывность бытийной триады земля – небодуша: «мы... молчком пойдём»; «покуда с нами Бог ещё!...». Малыми штрихами («молчком»; «ещё») показано состояние смирения, без которого православный христианин немислим.

Русскому человеку свойственна страсть и раскаяние, удаль и сосредоточенная молитва, соединение дома и храма. Красный угол с иконами, опрятная казацкая хата, хлеб на столе, умытые дети, заботы высокие и приземлённые – русский характер формировался в похожих рамках. Сохранившийся в старых людях, он являет себя ныне молодому поколению, которое с удивлением взирает на строгий кодекс жизни человеческой и понимает: так лучше – теплее, надёжней, вернее. Ибо старые люди – своего рода край мирового полотна, а молодые – нить, которую сучат каждое мгновение...

О, бабушка Настя! Ты в жизни нелёгкой и долгой

по русской своей, по сердечной своей доброте
старалась с молитвой, с поклоном и с тряпкою волглой
и душу, и землю, и дом содержать в чистоте.

Поэтический контур Святой Руси в стихотворении «Знай скрипи своим оралом...» объединяет почву и судьбу, полевой простор и поднебесье, песню и тишину, мгновение и вечность. Короткая строка вмещает в себя точные приметы и сладкой чужбины, и суровой родины. Вновь пространство жития, как почти везде у Дианы Кан, расчерчивают реки.

Пусть меж Тигром и Евфратом
сладко соловьи поют...
Нам с тобой туда не надо.
Мы с тобой сгодимся тут.

Утечёт рекой по древу
серебро словес людских.
И степняцкие напевы
укротят надменный стих.

А когда слова умолкнут,
воцарится вновь покой
меж Урал-рекой и Волгой,
меж Днестром и Дон-рекой.

Потому что между речью
свыше Господом дана
православному наречью
золотая тишина.

Апокалипсическое «прибавленное время» будто проявляется в глубине стихотворного текста. Героический подвиг и междоусобная брань отойдут за горизонт, и воцарится «золотая тишина», в которой нет противоречий. Она покрое претворённую землю и другое, светоносное небо, знакомое нам по православным иконам, и в ней не будет молчания могилы, потому что Христос – «начальник тишины».

У Дианы Кан образная речь, по видимости, пряма и понятна, однако почти всегда в её строках содержится отблеск метафизики, едва заметный надмирный знак, свободно соседствующий с реальным чередованием слов и ритмов, красок и предметов. Это как мимолётный жест или мгновенное изменение лица, когда за наглядным – вдруг приоткрывается бездна.

Одновременно стихи Кан насыщены изобразительностью, причём очень часто – в отсутствие привычных поэтических тропов.

Девочка-узбечка Тульганой дарит азиатскую лепёшку гостье, и та собирается увезти скромный подарок домой, в Россию.

Я её за тридцать земель
увезу в страну берёз и елей,
чтоб приснился доченьке моей
рокот голубых памирских селей.

Там укрыл бескрайние поля,
словно хлопок, русский снег глубокий...
Пусть узнает девочка моя
голос моей Родины далёкой!..

Художественное тут почти неуловимо: текст повествует о событиях и намерениях, а главное поэтическое сообщение передается поверх слов, из души – в душу. Как правило, подобная лирика непереводаима на иной язык. Русский литературный XIX век даёт нам множество подобных примеров, среди которых Пушкин и Некрасов – первые.

7. Волга

Множество стихотворений Дианы Кан рассказывают читателю о скромных русских реках, в которых поэтесса видит приметы самых разнообразных людских характеров.

Скромница Татьяна, ворчливая, тщеславная Вазуза, суетливые и старательные Самарка и Сок, погружённая в себя, неторопливая речка Моча. Мастерски развёртывая сюжет, Кан словно бы ведёт речь о дорожном попутчике, соседе, служивом человеке, о шумливой ребятне, оживляющей своими звонкими возгласами притихшую деревенскую улицу, порушенный городской двор. Она с поразительной лёгкостью поведает как будто житейскую историю, но внимательный взгляд обнаружит в одной её стихотворной строфе точные координаты времени и пространства, нравственные вехи и выбор, перед которым замирает человеческое сердце.

Бытовое незаметно раздвинет свои границы, подобно театральному занавесу, и бытие замерцает неясным светом, обнаруживая то один мистический знак, то другой. Это свойство присуще едва ли не каждому стихотворению Дианы Кан. Кажется, нет темы, которая не смогла бы развернуться в полноте и противоречиях под пером автора.

Соединяя в собственном сознании и крови характер Востока с чувствами, воспитанными православной Русью, Кан словно бы даёт современной русской литературе ключ к пониманию отдельных событий и исторических глав. Преодолевая внутренний мировоззренческий разрыв, она научилась сочетать страстность духовного подвижника с мягкостью православной мирянки, требование жертвы и самоотречения – со снисходительностью к человеческим слабостям.

Когда поэтесса говорит, что учится у русских рек двенадцати наречиям, – это не поэтическая фраза, а настойчивое вникание в историю людей и земли: «они всегда по-разному расскажут о Руси». Тут необходимо терпение и спокойное желание понять коллизии прошлого и настоящего. И Кан обращается к образу Волги.

Плывущая вдаль по просторам, как пава,
и речь заводящая издалека,
собой не тончава, зато величава
кормилица русская Волга-река.

По чуду рождения ты – тверитянка.
Слегка по-казански скуласта лицом.
С Ростовом и Суздалем ты, угличанка,
помолвлена злат-заповедным кольцом.

Как встарь, по-бурлацки ворочаешь баржи —
они и пыхтят, и копят, и дымят...

Нет-нет, да порой замутился от саж
твой, матушка, неба взыскующий взгляд.

Устанешь под вечер... Позволила б только
водицы испить с дорогого лица,
красавица-Волга, работница-Волга,
заботница-Волга, сказительница.

Широкое, просторное сказовое повествование, неспешное и негромкое. И одновременно – учительское слово воды, в коем таится что-то надчеловеческое. Как и в других стихах Дианы Кан, река – нить, связывающая воедино разные племена и народы.

И потому говор волжского течения – как праречь, интуитивно уловимая разноязыкими людьми.

Покуда студёной водицы вкушаю,
мне шепчут о чём-то своём камыши,
лениво закат за рекой догорает,
и перья хребтовые кажут ерши.

Реалистический эпизод, рисующий героиню на берегу Волги, на редкость точен в деталях, свобода передвижения взгляда рассказчика очень естественна: в четырёх строках передана картина земли – неба – воды – человека. Большое требует соразмерности и от всего, что находится рядом с ним. Земной простор – неохватен, небо – бездонно, река – космична и напоминает Млечный Путь.

Так и певцу, который дерзнул вести беседу с Волгой, должен быть присущ огромный метафизический рост. В противном случае невозможно передать то уважение – почти семейное, по интонации идущее со стародавних лет, которое звучит в словах Дианы Кан, обращённых к Волге: «матушка». Также и дочернее стремление рассказать ей о самом потаённом («когда печаль-тоска сжигает душу, // и Волга-мать за далью не видна, // часами на Татьянку и Криушу // любуюсь из высокого окна»). Порой река предстаёт в образе старшей сестры или даже подруги.

Любой тебя люблю я, Волга!
Не налюбуюсь никогда!

И ту, что жалила мне ноги.
И ту, что ластилась к ногам.
И ту, что взглядом недотроги
не допускала к берегам.

Отринь меня, я не заплачу,
моя строптивая родня!..
Твоя кровинушка казачья
течёт по жилам у меня.

Кажется, что такое разнотечение образов Волги идёт от настроения поэтессы, от конкретных жизненных и художественных обстоятельств. На самом деле перед нами – свидетельство родства, когда мать оказывается и подругой, и старшей сестрой, и даже ровней

собственной дочери, любовно даря ей кровную короткость отношений в одном случае и показывая родовую дистанцию – в другом.

Называя речки-воложки своими сестрицами, лирическая героиня вместе с ними сливается в объятиях «с Волгой – матушкой родной». Интонация стиха и образное имя реки, по видимости обращённые к разным ипостасям, могут непротиворечиво соседствовать в лирическом сюжете (строй речи – мать; поворот рассказа – подружка).

Вовек не знающая равных,
могучая свободная река.
Всё ей к лицу – надменная державность
и нежность беззащитного щенка.

Здесь ветерка сквозное дуновение
хранит пьянящий аромат ухи.
Здесь так легко в приливе вдохновенья
стихия превращается в стихи.

Здесь хорошо, проснувшись спозаранку,
босой к подружке-Волге прибежать —
всё то, что не пристало горожанке,
волжанке непоседливой подстать.

...И знать, что ни в одном из всех течений
мне Волга – исповедница моя —
не станет изрекать нравоучений,
приняв меня такой, какая я!

Диана Кан попала на берега Волги из Оренбуржья. В стихотворениях о Самаре-мачехе она не раз упоминала о чёрствости этого города – примерно так, как принято говорить о Москве, бьющей приезжего с носка и не верящей слезам.

Подлинный поэт всегда и везде одинок, нищ и горд. На Востоке хан может умертвить певца, здесь же толпа – множественный образ хама – в состоянии перекричать песню и затоптать её автора тысячью снующих ног.

Волга примиряет героиню с Самарой, умиротворяет душу и неожиданно дарит ей связь с землёй, которая её не желала и гнала.

Эх, дородна матушка-Самара!
Здесь в чести купеческий уют.
Матушке-Самаре я не пара.
Нищим здесь, увы, не подают.

Для меня ты и такая – праздник!
За тебя хоть в омут, хоть в огонь.
Серебрит мороз – седой проказник —
мне мою разверстую ладонь.

...Не вступлю с тобою в поединок...
Господи, тебя благослови!
Служат мне подошвами ботинок

мостовые стёртые твои.

Внимательный взгляд героини видит и другую картину, которую раньше она восприняла бы, по меньшей мере, с сарказмом:

«...спесивая речка Москва – // столичная штучка, зазнайка – // напиться из Волги пришла». Словно радушная хозяйка, великая река принимает и привечает жеманную гостью: «Пей, милая!

Ты не в обузу». И напутствует её, призывая отринуть «зачумлённые стоки» и двинуться «России навстречь, // чрез волжские реки-притоки // вкушая соборную речь».

Волга мудра и терпелива, желание воспользоваться её прозрачностью, мощью и силой она одобряет как бессознательное стремление Москвы-реки к очищению. Собрание России – вот скрытый смысл этой поэтической истории. И тут вовсе не призывный жест, а по-матерински гостеприимное объятие. Ничего подобного в современной русской поэзии, испорченной однолинейным, конфликтным мышлением, мы не найдём.

Диану Кан по праву можно назвать поэтическим голосом Волги, которая является для неё источником вдохновения и примером присутствия в мире. В образе главной русской реки поэтесса видит отражение «реки словесной», стремящейся стать полноводной, большой и сильной...

Как Волга, что «призвала с небес на Русь весну».

8. Русь

Русская традиция с древних лет была одухотворена неосязаемым присутствием Христа в обыденном человеческом распорядке, в семейном, домашнем укладе и через Богородицу – в фигуре матери.

Этот образ в поэзии Дианы Кан зримо привязан к Волге – матери русских рек. Однако речь поэтессы, обращённая к современникам, старым и молодым, содержит множество оттенков, которые подчёркивают сострадательное и одновременно требовательное материнское начало её лирики. Не показываясь портретно, в привычном облике зрелой женщины или согбенной старушки, голос

Кан исходит словно бы от невидимой женской ипостаси – матедалёкие и близкие, живые и отошедшие в мир иной. Даже бесприютный ветер похож на сироту, которому не хватает теплоты и ласки:

Много ль, право, надобно ему?
Приголубь да обогрей дыханьем.
Да засунь в пустую котому.
Да утешь, как дитятко, сказаньем.

Ибо в мире всё растёт во сне...
Спи, родимый, чутким сном объятый!
Вырастешь и на большой войне
будешь своей родине солдатом.

Так повелось в многострадальной и долгой русской истории, что мальчики становились защитниками родины, а девочки держали дом на своих тоненьких плечах, растили ребятню и сохраняли землю-кормилицу в достоинстве и красоте. Этим мальчикам и девочкам, которых стоит воспринимать как неугасимую надежду на торжество русской Правды, посвящены проникновенные строки поэтессы.

О, эти чудо-одуванчики,
льняными бывшие и рыжими —
совсем как новобранцы-мальчики,
палёным ветром бриты-стрижены.

Они по отчим неудобиям
встают рядами поределыми.
Иль жмутся к воинским надгробиям
с их матерями поседелыми.

Ужели им (уже не верится!)
под всхлипы вешнего соловушки
весной венки сплетали девицы
и водружали на головушки?..

Ужель совали им в карманчики
гостинцы ласковые матушки?..
Вчера лишь — маменькины мальчики...
Сегодня — русские солдатухи.

Они взойдут на поле ратное
и сложат буйные головушки...
И отцветут цветочки ранние —
недолгие, как вдовьи солнышки.

Здесь присутствует некое общерусское материнство, пожалуй, не знакомое иноязычной литературе, которая ушла в частности — пусть порою очень важные, но расчленяющие народ на изолированные друг от друга судьбы. Тогда как в России чувство общей земли и доли всегда вело к единению людей, к возникновению непостижимого родства, истоки которого — в христианской любви и подвиге. Православное «братья и сёстры» светится в этих юных лицах.

Поднимутся ранёшенько с постели —
за всем в хозяйстве надобен догляд.
Они прядут тонёшенько кудели.
Они белым-белёшенько белят.

Забудешь всё, когда сметаны кринку
подаст тебе такая егоза,
с дерзинкой, ждинкой, льдинкой и грустинкой
пытливо посмотрев в твои глаза.

Это — глубинная Русь, как географически, так и духовно. Подо всем наносным, что легло чёрной печатью на облик русского человека, его «белое тело» не повреждено, так же как и сокровенная земля, однажды порученная ему Богом. Отблеск такого понимания отечественного бытия, чуткого и терпеливого, наполняет строки Дианы Кан о старой деревеньке.

Ой да ты ж моя древнёшенька

деревнёшка-деревнёшенька!
Что избушка – то хороминка.
Красно солнышко кокошником.

...Зоревая и вечерняя,
ты в наследство мне досталась.
Но любовь моя дочерняя
не с погляда зачиналась!

Заскрипишь крылечком стареньким
да затеплишь утром тусклое,
поведёшь узорной ставенькой —
вмиг отгадет сердце русское.

В стихотворениях поэтессы чрезвычайно много просторечных и диалектных слов, как услышанных где-то, так и новорождённых, впервые введенных в языковой обиход – литературный и разговорный. Русский язык в поэзии Кан резвится и радостно плещется, словно малое дитя в купели. Уже одно это даёт ей ключ к отображению всего спектра глубокой и противоречивой русской жизни.

9. Книга

Диана Кан – явление поэтически универсальное. В её стихах постепенно возникает художественная полнота русского бытия на пороге Апокалипсиса.

Страшный и давно желанный сон
мне сегодня на рассвете снился —
молния прошила небосклон.
Грянул гром. Мужик перекрестился.

Вроде и не Божий он пророк...
Отчего ж так истово и честно
север, юг, и запад, и восток
он соединял знаменьем крестным?

Небосводу бил земной поклон
и читал псаломы из Псалтири...
Молния прошила небосклон
и зашила аспидные дырья.

Словно отвечая на возможные упрёки литературных противников, которым не по душе резкие суждения поэтессы о болтунах-патриотах, о предательстве и слабости современного человека, она замечает: «Пускай я лгу... Но этот стих правдивей моего дыханья».

И хотя перед нами – строка из лирического стихотворения, далёкого от земных и небесных сражений, слова подлинного поэта несравненно шире мимолётного, жёсткого разговора, конкретных, важных событий и точной даты на календаре.

Ибо они – из той книги, что подобно реке «напоет вселенную»...

Современная проза

Юрий Бурносов

Родился 24 апреля 1970 года в г. Севск (Брянская область). Учился в Смоленском базовом медицинском училище. В 1995 году окончил факультет русского языка и литературы Брянского педагогического университета.

Работал в журналистике, с 1993 года был соредактором первой городской молодёжной газеты «Брянск и Бежица», позднее – заместителем редактора еженедельника «Брянская неделя», пресс-секретарем губернатора Брянской области, начальником отдела обладминистрации, корреспондентом газеты «Комсомольская правда».

С 2007 года перебрался в Москву и, параллельно с литературной деятельностью, занялся написанием сценариев для теле- и кинопроектов совместно с женой Татьяной Глущенко.

Автор двадцати пяти романов (в том числе под псевдонимом «Виктор Бурцев» совместно с Виктором Косенковым). Один из первых и ведущих авторов проекта «Этногенез». Лауреат десяти литературных премий, включая «Книга года – 2007».

Номинант премии «Национальный бестселлер».

Все золотистое

*Розетка, кипяток, котенок Борька,
балкон и лифт бросали в дрожь меня.*

Тимур Кибиров

1

– Привет. А меня зовут Суок, – сказала девчонка.

– Кукла наследника Тутти? – машинально спросил я.

Девчонка пожала плечами:

– Не знаю никакого наследника.

– Ладно, проехали, – сказал я. В конце концов, это сон, и совершенно не важно, почему абсолютно незнакомую мне девчонку зовут Суок.

– Куда проехали? Не понимаю... А ты кто? – спросила она.

Обычно во сне нужно делать все, что тебе скажут или о чем попросят. Тогда сон бывает интересный. Правда, если делать все наоборот, тоже бывает ничего. Сон, одним словом. Поэтому я заупряился:

– А тебе зачем?

– Низачем. Так нужно. Ты же знаешь, как меня зовут...

И то верно. Я огляделся и обнаружил, что стою босиком на ощутимо прохладном полу, вымощенном золотистыми и белыми плитками «в шашечку». Вокруг поднимались золотистые же стены, которые сходились высоко над головой в стрельчатую арку.

Коридор уходил впереди куда-то влево и появлялся у меня за спиной откуда-то справа. Девчонка сидела на высокой тумбе – примерно метр двадцать – и болтала ногами. Тумба была тоже золотистая.

– По-моему, это мне снится, – признался я. Впрочем, я уже не был так уверен в этом: слишком реальным, детально проработанным казалось все вокруг...

– Не может такого быть. Получается, я тоже тебе снюсь? Но я-то знаю, что я – не сон. Я – Суок.

Девчонка, кстати сказать, совсем не походила на киношную куклу наследника. Лет четырнадцать, ну, пятнадцать на вид, черные волосы выбиваются из-под черного беретика. Кажется, такая прическа называется «паж». У французской певицы Мирей Матье, которая про «Чао, бамбино, сорри» поет, такая прическа. Одета девчонка занятно: опять же паже-ский костюмчик, штанишки, чулки, башмаки с пряжками, и все золотистое.

– Слушай, я ничего не понимаю, – честно сказал я. – Меня зовут Валера. И я думаю, что я во сне. Потому что я не знаю, где я, и никогда здесь не был. И тебя не знаю.

– Валера... – произнесла Суок, словно пробуя слово на вкус. – Валера... Не слышала такого имени. Нет, Валера, ты не во сне. Точнее, не совсем во сне, потому что все-таки немножко во сне. Чутьчутьочку. А что это за странный наряд?

Я посмотрел на себя и хмыкнул: хорошо, что в шортах уснул.

Мог бы и в трусах, вот был бы номер. Сон сном, а девчонка вроде ничего, симпатичная, а я в трусах перед ней скачу... Хотя во сне иногда такое приснится – будто ты голый, а вокруг все одетые.

Бр-р...

Босиком вот только холодно. Хотя во сне холодно не должно быть. Это я, наверно, ноги из-под пледа высунул, вот и снится, что холодно...

– Это шорты.

– Ты, наверное, замерз? – участливо спросила она. – Пойдем туда, где тепло.

– А где тепло?

– Иди за мной, Валера. Только не догоняй меня, просто иди следом. Я скажу, когда мы придем.

Она спрыгнула с тумбы, щелкнув каблукками своих башмаков по плиткам, запахла короткий золотистый плащик – я его сначала не заметил – и зашагала вперед по коридору. Я послушно пошел за ней, прикидывая, чего еще ожидать от сна.

Коридор был красив, но однообразен: стены и стены. Когда мы прошли метров сто, слева в стене показалось узкое окно, забранное мелкой решеткой, в ячейках которой сверкали разноцветные стекла. Свет сквозь окно не пробивался, из чего я заключил, что либо снаружи темно, либо стекло непрозрачное, либо вообще ничего нет. Для сна это нормально. Кстати, никаких светильников не наблюдалось и в коридоре; казалось, сами золотистые стены излучают мягкий холодный свет.

– Не отставай, Валера! – бросила через плечо Суок. – Здесь нельзя отставать.

Мы прошли еще сотню метров, и я неожиданно увидел на стене, на высоте своих плеч, глубокие царапины. Судя по всему, стенка была не из штукатурки или там камня, а из металла, и царапины врезались в него более чем на сантиметр. Что это так дерануло бедную стенку? Или кто? Я хотел спросить об этом Суок, но тут же обнаружил, что она исчезла. Коридор уходил вдаль, и я готов был осознать, что влип-таки в какой-то сонный кошмар, как Суок снова появилась. В стене справа была открыта незаметная дверь шириной сантиметров шестьдесят.

– Здесь тепло, – сказала Суок, и я вошел вслед за ней в комнату.

Внутри действительно оказалось тепло, к тому же там стояло большое кресло, оббитое золотистой тканью, на вид очень мягкое и уютное. Излишне говорить, что стены тоже блестели золотом. Может, это и есть золото?

– Садись, – кивнула Суок.

Я осторожно погрузился в кресло, и она тут же плюхнулась рядом, так близко, что я увидел на ее правой коленке, как раз там, где заканчивалась короткая золотистая штанина, засохшую розовую царапину.

– Теперь можно спрашивать, – улыбаясь, заявила она.

– В смысле?

– Ну, ты же хотел спрашивать, правда? Вот, спрашивай. Теперь можно.

– А там было нельзя?

– Там тоже можно. Потом – нельзя. Потом – снова можно. Но здесь тепло. Спрашивай, Валера.

– Ну-у... Это что, все из золота?

– Нет. Если бы было из золота, называлось бы Золотой Замок.

А называется Золотистый Замок. Значит, не из золота, – с самым серьезным видом ответила Суок.

– Значит, это Золотистый Замок. Так. А где он находится?

– Здесь.

– И все?

– И все. А что? – искренне удивилась она, словно я спросил совершеннейшую чушь.

– Нет, все понятно... А ты тут, значит, живешь?

– Живу.

– Одна?

– Одна. Иногда – не одна. Иногда приходят другие, как ты, Валера. Потом уходят. Тоже думают: во сне... Я их вижу. Иногда разговариваю. Только они странные. Пугаются. А ты не пугаешься. Хотя тоже думаешь: во сне...

– Ну, ты же сказала: чуточку во сне.

– Да, оно так и есть. Чутьочку во сне, но в остальном – не во сне.

Хочешь проверить?

– Можно.

И она укусила меня за ухо. Первое, что я почувствовал, – тепло, запах чего-то золотистого (черт!) типа меда или нектара, а уже потом – довольно сильную боль.

– Ты что?! – дернулся я и оттолкнул ее. Она засмеялась:

– Ты сам хотел, чтобы проверить. Я показала. Извини, если больно. Я не хотела.

– В том-то и дело, что больно! Нет, может быть, это меня котенок за ухо кусает, пока я сплю? У меня дома котенок...

– Могу еще раз. Только это не котенок, Валера. А кто такой котенок?

Я и сам уже прекрасно понял, что это никакой не котенок. Но больше никаких объяснений не находилось. Не в сказку же я попал!

– Елки-палки, – пробормотал я.

– Что это значит? – незамедлительно поинтересовалась Суок.

– Ничего не значит, просто выражение. Так говорят, когда случается что-то странное, например. Слушай, это я что, значит, здесь надолго?

– Нет, Валера. Я же говорю: ты чутьочку во сне. Когда сон кончится, ты или увидишь другой сон, или просто проснешься. И это очень плохо, потому что я перестану тебя видеть и с тобой говорить.

– Значит, это все-таки сон. Васька, гад, за ухо грызет, точно!

Мне стало как-то даже легче.

Она заморгала ресницами, казалось, готовясь заплакать, но через мгновение уже улыбалась и говорила:

– Ты не сказал, кто такой котенок. Он живой?

– Это такой маленький зверек. Ну, живое существо. Бывает разного цвета: серый, полосатый, рыжий, белый, черный. Пятнышками. Бывает пушистый, бывает – нет. Ушки маленькие, усы есть. Хвост.

– Красивый... – вздохнула Суок. – Я бы хотела одного такого.

А здесь нет. Нет зверька.

– Тут что, вообще никого нет? И ничего? Один коридор и вот эта комната?

– Нет, почему? Хочешь посмотреть? Только у нас мало времени.

– Как это – мало?

– Ты скоро уйдешь, а я останусь одна. Но мы успеем немножко посмотреть на разное. Пойдем!

И она схватила меня маленькой теплой рукой и потащила назад, в коридор.

– А теперь мне не нужно идти следом? – осведомился я.

– Теперь не нужно. Когда нужно, я скажу.

Мы прошли по коридору буквально несколько шагов и проскочили в очередную незаметную дверь, оказавшись в огромном помещении высотой метров десять. Большая часть помещения была заставлена длинными рядами вешалок, словно в театральной раздевалке. На вешалках висела одежда, сотни платьев, шуб, пальто и курток. Стена прямо напротив входа представляла собой сплошное зеркало, а на свободном от вешалок пространстве стоял большой батут, как в цирке, только двухэтажный.

– Это моя комната, – сказала Суок.

– Ты здесь живешь?

– Здесь я живу везде. Если правильно – это одна моя комната.

Есть другая, третья, есть еще. Давай играть?

Я пожал плечами: почему бы и не поиграть? Сон есть сон, чем еще тут заниматься...

И мы полезли на батут.

Кстати, прыгал я как в натуральном сне: как бы плывя в воздухе. Обычно в снах так бежишь, особенно если кто-то гонится – словно сквозь патоку... А тут – прыгал. Это оказалось очень интересно, мы держались за руки, словно дети, и визжали, когда подлетали к самому потолку. Суок потеряла свой берет, а я все время боялся, что упаду во сне с кровати.

В одном из особенно высоких прыжков Суок бросило прямо на меня, и я ее обнял. В полете она подняла лицо, внимательно посмотрела на меня золотистыми глазами, и я ее поцеловал.

Кстати, вот вам еще одно правило снов: если подворачивается легкая эротика, никогда не отказывайтесь. Это не в жизни, сон и есть сон. Поэтому я поцеловал Суок без зазрения совести, к тому же она была очень красивая, а мне всего восемнадцать лет какникак. И только тогда я понял, что я если и нахожусь во сне, то действительно – самую чуточку.

Целоваться она не умела, но послушно прижала свои губы к моим. Я еще раз почувствовал, как от нее пахнет золотистым... кажется, все-таки нектаром, цветочной пылью. Так мы в обнимку мягко опустили на батут, и Суок шепотом спросила, почти не отнимая губ от моих:

– Что это, Валера?

– Это называется целоваться, Суок, – прошептал я в ответ, будучи весьма сконфужен.

– Это интересно, – сказала она и отодвинулась. – Игра?

– Игра, – еще более смутился я. – Слушай, а зачем здесь так много одежды?

– Это моя одежда. Я ее собираю.

– А почему ты тогда одета в это вот... во все золотистое?

– Так нужно. Это же Золотистый Замок, неужели ты не понимаешь?

– Не понимаю, – честно сказал я. – Здесь много одежды, она вся твоя, но ты ее не носишь, потому что так нужно. А если ты наденешь вот то красное платье, например?

Она пришла в ужас, словно я предложил ей кого-то убить. Губы Суок задрожали, а на глаза навернулись слезы.

– Ты что! – прошептала она. – Ты просто не знаешь! Это нельзя! Нельзя! И вообще, тебе пора уходить! Уходи!

И я проснулся.

2

Весь день я таскался сам не свой, за что был тут же прозван в институте озабоченным. Сон или не сон? Или «чуточку сон», по определению Суок? Хорошо, допустим, я уснул и провалился «чуточку» в другое измерение. Почему в таком случае я нарвался на девчонку с именем героини «Трех толстяков» Олеши? К тому же неплохо, хотя и странновато говорящую по-русски? Какой-то ремейк «Маленького принца», что ли...

Я мрачно пообедал, пошел к себе и заперся, рассудив, что способ проверить все есть только один: уснуть. В худшем случае, если ничего не получится, я просто хорошо выплюсь, и все дела. Хотя у меня так иногда выходит: если перед тем, как ложиться спать, начинаешь представлять себе вчерашний понравившийся и запомнившийся сон со всеми подробностями, ты можешь увидеть его продолжение.

Я сообщил бабушке, что у меня болит голова и я решил немного вздремнуть, выгнал Васюку и, не раздеваясь, улегся на диван. Закрыв глаза, я попытался представить себе коридоры Золотистого Замка с их шашечным бело-золотым полом, стрельчатое окно и... Суок.

– Привет! – сказал знакомый голос.

Я открыл глаза и увидел ее. Мы находились на том же самом месте, где я вынырнул вчера, – возле тумбы. Суок снова сидела на своем насесте, болтая ногами, и одета была точно

так же: в свой пажеский костюмчик и башмачки, только к берету был приколот золотистый цветок, напоминающий астру.

– Я тебя помню, – продолжала она, прямо-таки сияя от счастья. – Ты Валера. Ты был здесь вчера. И ты вернулся! Никто не возвращался, а ты – вернулся!

С этими словами она прыгнула мне на шею прямо со своей тумбы. Обняв меня, она потерлась носом о мою щеку и требовательно сказала:

– А теперь поставь меня!

Я осторожно опустил ее на шашечный пол.

– Ты одет иначе. – Суок, закусив губу, внимательно разглядывала мои джинсы и футболку «Рибок». – Вчера ты был одет в такие интересные штаны...

– Шорты.

– Шорты... Но тебе было холодно, да? Теперь тебе тепло?

– Нормально... Ты вчера на меня обиделась, Суок?

– Я не обиделась. Я испугалась. Не говори больше о том, чего нельзя.

– Но как же я буду знать?

– Я тебе скажу: «Нельзя!» И ты перестанешь говорить. Иначе будет плохо.

– Мне?

– Нет. Мне.

Она выглядела крайне озабоченной и серьезной, и я поспешил поклясться, что не буду говорить о том, чего нельзя.

– Хорошо, – милостиво согласилась она. – А как ты попал сюда опять? Раньше никто так не делал. Никто не умел.

– А я умею, – скромно поведал я. – Это не очень трудно. Я думаю, я могу часто приходить. Каждый день.

– Это хорошо. Ну, пойдем играть?

И мы пошли играть. Проходя по коридору, я снова обратил внимание на странные царапины на стене, но спрашивать ничего не стал: вдруг это из разряда «нельзя»? И мы снова прыгали на батуте, а потом, когда мы сидели на его краешке, Суок спросила:

– А почему сегодня мы не целовались? Мне понравилось.

Я осторожно чмокнул ее в щеку.

– Я хочу вот сюда! – требовательно заявила она, подставляя губы.

Я поцеловал ее – по-детски, не раскрывая рта... Нет, мне все это очень нравилось, но я чувствовал себя неуютно. Все-таки довольно маленькая она – теперь мне казалось, что и пятнадцати нет, да и совращать девчонку из сна не очень-то удобно. Вернее, из сна как раз таки удобно, но я ведь лишь «чутьочку» во сне. А это совсем другое дело. Хотя я в нее, наверное, влюбился.

Сегодня Суок казалась мне не только младше, но и еще красивее, чем вчера. Я хотел было сказать ей об этом, как вдруг в коридоре, за узкой дверью, что-то загрохотало, словно приближающийся поезд.

– Тихо! – зашипела Суок и прижалась ко мне, закрыв лицо ладонями.

Я обнял ее и стал гладить по худенькой спине, а шум за дверью нарастал, потом пронесся мимо и вроде бы затих в отдалении. На смену ему пришло странное шуршание, словно тысячи больших мотыльков бились в тесноте коридора. Что это? Те, кто царапает стены?

– Что это? – спросил я, приблизив губы к ее уху.

– Не спрашивай! – пискнула она и еще сильнее прижалась ко мне.

Шуршание проскребло по двери, потопталось – как мне показалось – немного возле нее и исчезло там же, куда удалился «поезд». Мы сидели в полной тишине, и я подумал, как, должно быть, страшно здесь Суок. В этом золотистом одиночестве.

– Что ты вообще здесь делаешь? – спросил я, когда Суок отняла руки от лица.

Она ничего не ответила, размазывая по щекам слезы. Поправив свой беретик, Суок спрыгнула вниз с батута и, повернувшись ко мне, сказала:

– Я здесь живу, Валера.

– Давно?

– Всегда.

– Слушай, сейчас я тебя буду спрашивать. Если ты можешь ответить – отвечай. Если нельзя – отвечай: «Нельзя!» Ясно?

Она кивнула. Я спрыгнул к ней и спросил:

– Что такое Золотистый Замок?

– Это... Золотистый Замок.

Кажется, вопрос она не поняла или не могла понять.

– Это здание? Дом?

– Это Замок. Я не знаю, что это такое. Так называется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.